

ДЖЕК
ЛОНДОН

✦
Сердца трех
↑

✦ ЗАРУБЕЖНАЯ КЛАССИКА ✦

Джек Лондон

Сердца трех

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=128177
Сердца трех: АСТ, АСТ Москва; Москва; 2009
ISBN 978-5-17-059690-4, 978-5-403-01475-5

Аннотация

«Сердца трех» — жемчужина творческого наследия Лондона.

Завораживающая история кузенов Френсиса и Генри Морганов, далеких потомков великого пиратского капитана, отправившихся на поиски сокровищ своего легендарного предка, и прекрасной Леонсии, в которую влюблены они оба, не однажды экранизировалась — как на Западе, так и в нашей стране.

Но даже самым удачным экранизациям все-таки не удалось в полной мере воплотить все обаяние и увлекательность бессмертного романа Джека Лондона...

Содержание

Предисловие	4
Глава первая	8
Глава вторая	16
Глава третья	24
Глава четвертая	37
Глава пятая	43
Глава шестая	49
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Джек Лондон

Сердца трех

Предисловие

Надеюсь, читатель извинит меня за то, что я начинаю это предисловие с похвальбы. Дело в том, что эта работа – юбилейная. Ее завершением я отмечаю свое сорокалетие, свою пятидесятую книгу, шестнадцать лет своей писательской деятельности и новое направление в своем творчестве. А «Сердца трех» – это новое направление. До сих пор я, безусловно, не создавал ничего подобного и почти убежден, что и впредь не создам. И я вовсе не намерен скрывать, что горжусь этой работой. А теперь я советовал бы читателю, который любит стремительное развитие действия, перескочить через все то бахвальство, что содержится в предисловии, и погрузиться с головой в повествование, – пусть он потом попробует сказать мне, что от моей книги легко оторваться.

Для любопытствующих разрешу себе кое-что пояснить. По мере того как кинематограф становился наиболее популярной формой развлечения во всем мире, запас фабул и интриг, накопленный мировой беллетристикой, стал быстро истощаться. Какая-нибудь одна кинокомпания с помощью двух десятков режиссеров способна экранизировать все литературное наследие Шекспира, Бальзака, Диккенса, Скотта, Золя, Толстого и десятков менее плодовитых писателей. А поскольку на свете сотни кинокомпаний, нетрудно сообразить, как скоро они могут столкнуться с нехваткой сырья, из которого фабрикуют кинокартины.

Право на экранизацию всех романов, рассказов и пьес, издаваемых или подлежащих изданию определенными издательствами или лицами, уже давно куплено и зафиксировано договорами; если же попадает материал, право собственности на который истекло за давностью лет, то он экранизируется с такой же быстротой, с какой матросы, очутившись на берегу, усеянном золотым песком, набросились бы на самородки. Тысячи сценаристов – точнее будет сказать десятки тысяч, ибо нет такого мужчины, женщины или младенца, которые не считали бы себя вполне созревшими для написания сценария, – итак, десятки тысяч сценаристов рыщут по литературе (как охраняемой авторским правом, так и не охраняемой) и хватают журналы чуть ли не из машины, в надежде поживиться какой-нибудь новой сценкой, фабулой или историйкой, придуманной их собратьями по перу.

Кстати, справедливость требует отметить, что совсем недавно, в те дни, когда сценаристов еще не очень уважали, они надрывались в поте лица за пятнадцать-двадцать долларов в неделю, а случалось, что прижимистые директора платили им и поштучно: десять-двадцать долларов за сценарий, да еще в пятидесяти случаях из ста не выдавали сценаристам и тех грошей, которые им причитались; бывало и так, что товар, украденный сценаристами, в свою очередь, крали у них не менее бессовестные и беззастенчивые люди, работающие в штате. Так было только вчера, а сегодня я знаю сценаристов, которые имеют по три машины и по два шофера, которые посылают своих детей в самые дорогие школы и вообще обладают устойчивой платежеспособностью.

В значительной мере именно из-за нехватки беллетристического сырья и начали ценить и уважать сценаристов. На них появился спрос, они получили признание, их стали лучше оплачивать, а от них требовать продукцию более высокого качества. Начались новые поиски материала, выразившиеся, в частности, в попытке завербовать известных писателей для работы в качестве сценаристов. Но то, что человек написал двадцать романов, еще не может служить ручательством, что он способен написать хороший сценарий. Как раз

наоборот: очень быстро обнаружилось, что успех в беллетристике – верная гарантия провала на экране.

Но тут на сцене появляются хозяева кинокомпаний. Разделение труда – прежде всего. И вот, связавшись с могущественными газетными объединениями или с отдельными лицами, как это имело место в данном случае, – я имею в виду «Сердца трех», – они заказывают высококвалифицированным сценаристам (даже ради спасения собственной жизни не сумевшим бы написать роман) сценарий, который романисты (даже ради спасения собственной жизни не сумевшие бы написать сценарий) превращают затем в роман.

Итак, является м-р Чарльз Годдард к некоему Джеку Лондону и говорит ему: «Время действия, место действия и действующие лица определены; кинокомпания, газеты и капитал к нашим услугам; давайте договариваться». И мы договорились. Результат – «Сердца трех». Ни у кого не может возникнуть сомнения в искусстве и мастерстве м-ра Годдарда после того, как я перечислю его творения, перу его принадлежат: «Злоключения Полины», «Приключения Илейн», «Богиня», «Обогащайся, Уоллингфорд» и т. д. Кроме того, имя героини данного романа – Леонсия – тоже им придумано.

Первые несколько эпизодов он написал на своем ранчо в Лунной долине. Но писал он быстрее, чем я, и закончил свои пятнадцать эпизодов на много недель раньше меня. Да не введет вас в заблуждение слово «эпизод». На первый эпизод ушло три тысячи футов пленки. А на последующие четырнадцать – по две тысячи футов на каждый. В каждом эпизоде около девяноста сцен, что составляет в общем около тысячи трехсот сцен. Итак, мы работали параллельно, каждый над своим куском. Когда я писал какую-то главу, я, естественно, не мог принимать в расчет того, что происходит в следующей или через двенадцать глав, так как я этого не знал. Не знал этого и м-р Годдард. Отсюда неизбежные последствия: нельзя сказать, чтобы повествование в «Сердцах трех» отличалось особой последовательностью, хотя, оно, безусловно, не лишено логики.

Представьте себе мое изумление, когда я, будучи на Гавайях, вдруг получаю от м-ра Годдарда по почте из Нью-Йорка сценарий четырнадцатого эпизода (я же в то время только еще трудился над литературной обработкой десятого эпизода) и вижу, что мой герой женат совсем не на той женщине! И в нашем распоряжении всего только один эпизод, когда можно избавиться от нее и связать моего героя узами законного брака с единственной женщиной, на которой он может и должен жениться. Как это сделано – прошу посмотреть в последней главе или пятнадцатом эпизоде.

Можете не сомневаться, что м-р Годдард надоумил меня, как это сделать.

Дело в том, что м-р Годдард – мастер по части развития действия и гений по части быстроты. Развитие действия нимало не волнует его. «Изобразить», – спокойно указывает он в авторской ремарке киноактеру. Очевидно, актер «изображает», ибо м-р Годдард тут же начинает нагромождать одно действие на другое. «Изобразить горе!» – приказывает он, или «печаль», или «гнев», или «искреннее сочувствие», или «желание убить», или «стремление покончить жизнь самоубийством». Вот и все. Так и должно быть – иначе, когда же он завершил бы работу и написал свои тысячу триста сцен?

Но можете себе представить, каково пришлось мне, несчастному, который не мог ограничиться волшебным словом «изобразить», а должен был описать – и притом весьма подробно – все те настроения и положения, которые одним росчерком пера наметил м-р Годдард! Черт побери! Диккенсу не казалось чрезмерным излишеством потратить тысячу слов на описание и возможно более тонкую обрисовку горестных переживаний того или иного из своих героев. А вот м-р Годдард говорит: «Изобразить», – и рабы киноаппарата делают все, что нужно.

А развитие действия! В свое время я написал не один приключенческий роман, но во всех них вместе взятых вы не найдете столь стремительного развития действия, как в «Сердцах трех».

Зато теперь я знаю, почему так популярен кинематограф. Я теперь знаю, почему «Г-да Барнес из Нью-Йорка» и «Техасский горшечник» разошлись в миллионах экземпляров. Я теперь знаю, почему какая-нибудь напыщенная агитационная речь может привлечь куда больше голосов, чем самый прекрасный и доблестный поступок или замысел государственного деятеля. Переделка сценария м-ра Годдарда в роман была для меня интересным опытом – и весьма поучительным. Эта работа по-новому осветила давно продуманные мною социологические обобщения, подвела под них новую основу и укрепила их. После этой попытки испробовать свои силы как писатель в новой для себя области я стал понимать душу народа в его массе глубже, чем понимал до сих пор, и осознал – полнее, чем когда-либо, – каким высоким искусством жеста и мимики должен владеть демагог, привлекающий голоса избирателей на свою сторону благодаря своему умению играть на коллективной душе масс. Я буду очень удивлен, если эта книга не получит самого широкого распространения. («Изобразить удивление», – сказал бы м-р Годдард; или: «Изобразить широкое распространение».)

Если в основе этой авантюры, именуемой «Сердца трех», лежит сотрудничество, я восхищен идеей сотрудничества. Но только – увы! – боюсь, что такого коллегу, как м-р Годдард, можно встретить не чаще, чем одного на миллион. Мы ни разу не перебросились даже словом, у нас не было ни одного спора, ни единой дискуссии. Но в таком случае я, должно быть, и сам – не коллега, а мечта! Разве я не позволил ему – без единого намека на жалобу или возражение – «изобразить» все, что ему заблагорассудится, на протяжении 15 эпизодов сценария, 1300 сцен и 31000 футов пленки, а затем 111000 слов, составивших роман? И все-таки теперь, когда я кончил сей труд, я очень был бы рад, если бы не начинал его, – по одной простой причине: мне хотелось бы самому прочесть книгу и посмотреть, как она читается. А меня это очень интересует. Очень.

*Джек Лондон
Уайкики, Гавайские о-ва,
23 марта 1916 года*

Старая пиратская песня

Кто готов судьбу и счастье
С бою брать своей рукой,
Выходи корсаром вольным
На простор волны морской!

Припев:

Ветер воет, море злится, —
Мы, корсары, не сдаем.
Мы – спина к спине – у мачты,
Против тысячи вдвоем!

Нож на помощь пистолету —
Славный выдался денек!
Пушка ломит их упрямство,
Путь расчистит нам клинок.

Припев.

Славь, корсар, попутный ветер,
Славь добычу и вино!
Эй, матрос, проси пощады,
Капитан убит давно!

Припев.

Славь захваченное судно,
Тем, кто смел, сдалось оно.
Мы берем лишь груз и женщин,
Остальное – все на дно!

Джордж Стерлинг

Глава первая

В это позднее весеннее утро события развивались очень быстро в жизни Френсиса Моргана. Если когда-нибудь человеку суждено было, переместившись во времени, стать участником жестокой, кровавой драмы, а точнее – трагедии бесхитростных душ, и одновременно свидетелем средневековой мелодрамы, насыщенной сентиментальностью и бурными страстями, свойственными обитателям Латинского Нового Света, то этим человеком Судьба предназначила быть Френсису Моргану, и притом весьма скоро.

Однако сам Френсис Морган пребывал в ленивом неведении относительно того, что в мире что-то для него готовится, и едва ли был готов встретить надвигавшиеся события. Поздно засидевшись за бриджем, он поздно начинал свой день. За поздним пробуждением последовал поздний завтрак из фруктов и каши; покончив с ним, Френсис направился в библиотеку – строго, со вкусом обставленную комнату, откуда его отец в последние годы жизни руководил своими обширными и многообразными делами.

– Паркер, – обратился Френсис к камердинеру, который служил еще его отцу, – ты не замечал признаков ожирения у Р. Г. М. в последние годы его жизни?

– О нет, сэр, – отвечал тот со всей почтительностью хорошо вышколенного слуги, но невольно бросая беглый оценивающий взгляд на великолепную фигуру молодого человека. – Ваш батюшка, сэр, всегда отличался стройностью. Фигура у него никогда не менялась; он был широкоплечий, с могучей грудью, и хоть широковат в кости, но талия, сэр, у него была тонкая, всегда тонкая. Когда его обмыли, сэр, и положили на стол, многие молодые люди в нашем городе могли бы устыдиться своей фигуры. Он всегда тщательно следил за собой, сэр, – я имею в виду все эти упражнения, которые он делал в постели, полчаса каждое утро. Ничто не могло заставить его отступить. Он называл это своим культом.

– Да, фигура у отца была редкостная, – рассеянно произнес молодой человек, глядя на биржевой телеграф и несколько телефонных аппаратов, установленных еще его отцом.

– Совершенно верно, – убежденно подтвердил Паркер. – Ваш батюшка был строен, как аристократ, несмотря на широкую кость, могучие плечи и грудь. И вы это унаследовали, сэр; только вы еще лучше.

Молодой Френсис Морган, унаследовавший от своего отца не только статную фигуру, но и немало миллионов, безмятежно развалился в широком кожаном кресле и вытянул ноги – совсем как могучий лев в клетке, не знающий, куда девать свои силы. Развернув утреннюю газету, он остановился взглядом на заголовке, извещавшем о новом оползне на Кьюлебрском участке Панамского канала.

– Хорошо, что мы, Морганы, не склонны к полноте, – позевывая, произнес он, – не то ведь я мог бы и растолстеть от такой жизни... Правда, Паркер?

Престарелый камердинер, не расслышав, смущенно посмотрел на своего хозяина.

– О да, сэр, – поспешно сказал он. – То есть я хочу сказать: нет, сэр. Вы сейчас в наилучшей форме.

– Ничего подобного, – убежденно заявил молодой человек. – Я, может, и не разжирел, но безусловно пообмяк... А, Паркер?

– Да, сэр... То есть нет, сэр, – я хотел сказать: нет, сэр. Вы все такой же, каким вернулись из колледжа, три года назад.

– И решил, что безделье – мое призвание, – рассмеялся Френсис. – Паркер!

Паркер почтительно вытянулся. Однако хозяин его уже погрузился в глубокое раздумье, словно решая проблему первостепенной важности, а рука его то и дело принималась теревить топорщившиеся усики, которые он с некоторых пор стал отращивать.

– Паркер, я намерен съездить на рыбную ловлю.

– Да, сэр.

– Я велел прислать несколько складных удочек. Пожалуйста, составь их и принеси сюда – я хочу их осмотреть. Мне думается, что уехать недельки на две куда-нибудь в лес – самое для меня полезное. Если я этого не сделаю, то, несомненно, начну толстеть и опозорю весь наш род. Ты ведь слышал про сэра Генри? Старого оригинала сэра Генри, пирата и головореза?

– Да, сэр. Я читал о нем, сэр.

Паркер уже стоял в дверях и только ждал той минуты, когда словоохотливость молодого хозяина иссякнет, чтобы отправиться по его поручению.

– Да, гордиться тут нечем – подумаешь, старый пират!

– О нет, сэр, – запротестовал Паркер. – Он ведь был губернатором на Ямайке и умер в почете.

– Счастье еще, что его не повесили, – расхохотался Френсис. – В сущности говоря, только он один и позорит наш род, который сам же основал. Но я вот что хотел сказать: я очень тщательно просмотрел все, что его касается. Он весьма заботился о своей фигуре и, слава богу, до самой смерти сохранил тонкую талию. В этом отношении он оставил нам хорошее наследство. А вот сокровища его мы, Морганы, так и не нашли; впрочем, тонкая талия, которую он нам завещал, дороже всех рубинов. Родовая черта, – говоря языком биологов, которому научили меня профессора.

Наступила долгожданная пауза, и Паркер осторожно выскользнул из комнаты, а Френсис Морган погрузился в изучение газетной статьи о Панаме, из которой он выяснил, что канал будет открыт для судоходства, по-видимому, не раньше, чем через три недели.

Зазвонил телефон, и с помощью электрических нервов современной высокой цивилизации Судьба сделала первую попытку протянуть свои щупальца и добраться до Френсиса Моргана, который сидел в эту минуту в библиотеке особняка, выстроенного его отцом на Риверсайд-драйв.

– Но, дорогая мисс Каррузерс, – запротестовал он в трубку. – Что бы там ни было, это просто временный ажиотаж. «Тэмпико петролеум» в полном порядке. Это не спекулятивные бумаги, а вполне надежное помещение капитала. Держите их. Держите крепко... Все дело, наверно, в том, что какой-нибудь фермер из Миннесоты приехал в Нью-Йорк и решил купить пакета два акций просто потому, что они кажутся ему солидными, а так оно и есть... Ну и что тут такого, что они поднялись на два пункта? Все равно не продавайте. «Тэмпико петролеум» – это вам не лотерея и не рулетка. Это крепкое промышленное предприятие. Мне бы, например, очень хотелось, чтобы оно было не таким грандиозным, – я бы тогда мог финансировать его один... Да нет, выслушайте меня: совсем это не мыльный пузырь! Мы сейчас одних цистерн заказали больше чем на миллион долларов. Наша железная дорога и три нефтепровода стоят свыше пяти миллионов. Да одни только действующие нефтескважины дадут нам нефти на сто миллионов долларов, так что сейчас главная наша задача – доставить ее к морю на танкеры. Теперь самое время для вложения капитала. Пройдет год-другой, и государственные бумаги по сравнению с вашими акциями покажутся сущей чепухой...

...Да-да, пожалуйста. Не обращайтесь на биржевой рынок. И потом – я вовсе не советовал вам приобретать эти акции. Я никогда не давал своим друзьям таких советов. Но уж раз вы приобрели эти акции, то держитесь за них. «Тэмпико» такое же солидное предприятие, как Английский банк... Да, мы с Дикки поделили вчера вечером трофеи. Подобралась великолепная компания. Хотя Дикки, надо сказать, чересчур горяч для бриджа... Да, везло, как игроку на бирже... Ха-ха! Я горяч? Ха-ха!.. Да?.. Скажите Гарри, что я отбываю недели на две... Поеду форель удить... Весна, знаете ли, ручейки журчат, на деревьях сок выступил, распускаются почки, зацветают цветы и тому подобное... Да, всего наилучшего.

И держитесь обеими руками за «Тэмпико петролеум». Если они немножко упадут, после того как этот миннесотский фермер кончит играть на повышение, прикупите еще. Я тоже собираюсь так сделать. Это все равно что найти деньги... Да... Да, конечно... Слишком это крепкие бумаги, чтобы вот так – ни с того ни с сего – взять и продать их: ведь они, может, никогда больше не понизятся... Ну конечно, я знаю, что говорю. Я проспал сегодня восемь часов и еще не выпил ни капли... Да, да... До свидания.

Не поднимаясь с кресла, Френсис потянул к себе ленту от соединенного с биржей аппарата и лениво пробежал ее глазами; то, что в ней сообщалось, не вызвало у него особого интереса.

Вернулся Паркер, неся несколько тоненьких удочек; каждая из них по своей полировке и отделке была верхом искусства и мастерства. Френсис мигом вскочил с кресла, отбросил в сторону телеграфную ленту, про которую тут же забыл, и, точно мальчишка, с радостью и восторгом принялся осматривать игрушки и пробовать их одну за другой: он то взмахивал удочками так, что леска со свистом, похожим на удар хлыста, разрезала воздух, то осторожно, рассчитанным движением, закидывал ее под высокий потолок, как если бы там, на другом конце комнаты, находился невидимый пруд, в котором таинственно поблескивала форель.

Зазвонил телефон. Лицо Френсиса перекошилось от раздражения.

– Ради бога, поговори ты, Паркер, – приказал он. – Если это опять какая-нибудь дура, играющая на бирже, скажи, что я умер, или пьян, или лежу в тифу, или женюсь, – словом, придумай что-нибудь пострашнее.

После непродолжительных переговоров, проведенных в спокойном, вежливом тоне, так подходившем к величественному стилю этой холодной, чинной комнаты, Паркер произнес в трубку: «Одну минуту, сэр» – и, прикрыв ее рукой, сказал:

– Это мистер Бэском, сэр. Он просит вас.

– Скажи мистеру Бэскому, чтобы он убирался к черту, – отозвался Френсис, замахнувшись так, будто хотел невесть куда забросить удочку; и в самом деле, опиши леска кривую, начертанную его зачарованным взглядом, она вылетела бы в окно и, по всей вероятности, до смерти перепугала бы садовника, который, стоя на коленях, пересаживал розовый куст.

– Мистер Бэском говорит, что это насчет положения на бирже, сэр, и что он задержит вас не более пяти минут, – настаивал Паркер, но так деликатно и мягко, словно передавал какое-то совсем несущественное, пустяковое поручение.

– Хорошо. – Френсис осторожно прислонил удочку к столу и взял трубку. – Алло, – сказал он в аппарат. – Да, это я, Морган. Ну, ваяйте. Что там такое?

Он с минуту послушал, потом раздраженно перебил говорившего:

– Продавать? Черта с два! Ни в коем случае... Конечно, я рад это слышать. Но даже если акции поднимутся на десять пунктов, – чего, конечно, не случится, – все равно держите их. Весьма возможно, что это закономерное повышение и они уже больше не упадут. Эти акции – штука солидная. Они стоят куда больше, чем котируются. Вообще этого могут и не знать, но я-то знаю. Через год они до двухсот дойдут – конечно, если в Мексике прекратятся эти вечные революции... А вот если акции упадут, вы получите от меня приказ покупать... Ерунда. Кто это хочет приобрести контрольный пакет? Да нет же, это чисто спорадическое явление... Что? Прошу прощения. Я хотел сказать: чисто временное. Так вот что: я уезжаю недели на две удить рыбу. Если акции упадут на пять пунктов, – покупайте. Покупайте все, что будут предлагать. М-да, когда у человека на руках солидное предприятие и начинается игра на повышение его акций, это почти так же опасно, как игра на понижение... Да... Конечно... Да... До свидания.

Френсис с восторгом снова занялся своими удочками, а тем временем на другом конце города в кабинете Томаса Ригана уже неумоимо трудилась Судьба. Томас Риган отдал своей

армии маклеров приказ скупать акции «Тэмпико петролеум», пустил через посредство многообразных каналов таинственный слухок, будто у «Тэмпико петролеум» какие-то осложнения с мексиканским правительством по поводу концессии, и погрузился в чтение отчета своего эксперта по нефти, который целых два месяца провел на месте, выясняя подлинные перспективы и возможности этой компании.

Вошел клерк, подал визитную карточку и доложил, что какой-то иностранец просит принять его. Риган взглянул на карточку.

– Передайте этому мистеру, сеньору Альваресу Торресу, – сказал он, – что я не могу его принять.

Через пять минут клерк вернулся с той же карточкой, но теперь на обратной ее стороне было что-то нацарапано карандашом. Риган так и расплылся в улыбке, прочитав:

Дорогой и многоуважаемый мистер Риган. Имею честь сообщить Вам, сэр, что мне известно местонахождение клада, который, еще в бытность свою пиратом, спрятал сэр Генри Морган. Альварес Торреса.

Риган покачал головой; клерк был уже у двери, когда хозяин вдруг окликнул его:

– Пусть войдет, немедленно.

Оставшись один, Риган беззвучно рассмеялся, обмозговывая пришедшую ему в голову идею.

– Молокосос! Щенок! – бурчал он сквозь облако дыма, раскуривая сигару. – Воображает себя львом, точно он сам старик Р. Г. М. Хорошая порка – вот что ему нужно, и старый стреляный воробей Риган уж позаботится об этом.

Английский язык сеньора Альвареса Торреса был столь же безукоризнен, как и его модный весенний костюм; и хотя смуглая кожа выдавала его латиноамериканское происхождение, а блеск черных глаз достаточно красноречиво говорил о том, что в этом человеке течет давняя смесь испанской и индейской крови, – он казался настолько типичным ньюйоркцем, что Томас Риган большего и желать бы не мог.

– После многих лет упорного труда и поисков, – начал Торрес, – я, наконец, догадался, где спрятан клад сэра Генри Моргана. Я уверен, что он зарыт на Москитовом Берегу. Скажу точнее: до него не больше тысячи миль от лагуны Чирикви, а ближайший к нему город, судя по всему, – Бокас-дель-Торо. Я там родился, хотя образование получил в Париже; знаю местность как свои пять пальцев. Для такой экспедиции достаточно было бы маленькой шхуны. Ведь снарядить ее недорого обойдется, совсем недорого, зато какая будет прибыль: в награду целое сокровище.

Сеньор Торрес умолк: ему не хватало слов, чтобы выразиться определеннее, но Томас Риган, крутой и жесткий человек, привыкший иметь дело с людьми такого же склада, как и он сам, начал вытягивать из него сведения, точно адвокат, ведущий перекрестный допрос.

– Да, – тотчас признался сеньор Торрес, – в настоящее время я несколько стеснен... как бы это сказать?.. – в средствах.

– Вам нужны деньги, – грубо уточнил биржевик, и тот с горестным видом поклонился.

И еще многое другое вынужден был признать Альварес Торрес под беглым огнем допроса. Да, он лишь недавно покинул Бокас-дель-Торо и надеется, что никогда больше туда не вернется. Тем не менее он готов вернуться, если они придут сейчас к какому-то соглашению...

Но Риган остановил его властным жестом человека, привыкшего повелевать простыми смертными: он взял чековую книжку и выписал чек на имя Альвареса Торреса. Когда тот взглянул на бумажку, то увидел, что там проставлена сумма в тысячу долларов.

– Так вот к чему сводится моя идея, – сказал Риган. – Я лично ничуть не верю вашим рассказам. Но у меня есть один юный друг. Я очень люблю этого мальчика, и меня огорчает, что его слишком затягивают соблазны большого города – Бродвей с его красотками и тому подобное, – ну вы понимаете.

Сеньор Альварес Торрес поклонился, как светский человек, разговаривающий со светским человеком.

– Так вот, ради его здоровья, а также спасения не только его души, но и состояния, самое лучшее, что можно было бы придумать, – это путешествие за сокровищем, полное приключений, требующее физического напряжения, и... словом, я убежден, что вы меня понимаете.

Альварес Торрес снова поклонился.

– Вам нужны деньги, – продолжал Риган. – Постарайтесь заинтересовать его. Эта тысяча вам за труды. Заинтересуйте его так, чтобы он отправился разыскивать золото старика Моргана, – и еще две тысячи ваши. Если сумеете заинтересовать его настолько, что он пробудет в отлучке три месяца, – я добавлю вам еще две тысячи; а если полгода – то пять тысяч. Можете мне поверить: я хорошо знал его отца, мы с ним были товарищами, компаньонами, я... я могу даже сказать: почти братьями. Я готов пожертвовать любой суммой, чтобы наставить сына моего друга на правильный путь и сделать из него человека. Что вы на это скажете? Для начала вот вам тысяча. Идет?

Сеньор Альварес Торрес дрожащими пальцами свертывал и развертывал чек.

– Я... я согласен, – с запинкой произнес Торрес и даже начал заикаться от волнения. – Я... я... как бы это сказать?... я весь в вашем распоряжении.

За пять минут Торресу были даны все инструкции относительно той роли, которую ему предстояло играть, а его рассказ о кладе Моргана был несколько видоизменен, для большей правдоподобности, хитрым, практичным биржевиком; после этого испанец поднялся и, прежде чем откланяться, заметил шутливо, но не без грусти:

– Самое забавное, мистер Риган, что все это чистейшая правда. Изменения, которые вы внесли в мою историю, делают ее более правдоподобной, но она правдива и без них. Мне нужны деньги. Вы очень щедры, и я буду стараться изо всех сил... Я... я горжусь тем, что обладаю даром артиста. И все-таки клянусь: я действительно разгадал, где спрятаны сокровища, которые наградил и зарыл Морган. Я имел доступ к документам, недоступным для широкой публики; да и все равно, едва ли кому-либо удалось бы в них разобраться. Эти документы хранятся в нашей семье, и многие мои предки трудились над ними всю жизнь, но так и не нашли разгадки. Однако они были на правильном пути – им только не хватало смекалки: они ошибались на двадцать миль. А ведь место точно указано в документах. Они ошибались, мне кажется, потому, что там нарочно все было зашифровано, запутано, написано в виде ребуса; и только я, один я, сумел понять это и разгадать. Все мореплаватели былых времен прибегали к таким трюкам, когда чертили свои карты. Мои испанские предки подобным образом скрыли Гавайские острова, переместив их на целых пять градусов долготы в сторону.

Для Томаса Ригана все это было китайской грамотой, он слушал Торреса с терпеливой улыбкой, явно говорившей: «Вот заставляет занятого человека отрываться от дел и выслушивать какие-то небылицы».

Не успел сеньор Торрес откланяться, как в кабинет вошел Френсис Морган.

– Решил на минутку забежать к вам за советом, – сказал он после обычного обмена приветствиями. – Да и к кому же мне обращаться, как не к вам, – ведь вы столько лет работали с моим отцом. Насколько мне известно, вы были его компаньоном в крупнейших сделках. Он всегда советовал мне доверять вашим суждениям. Ну, вот я и пришел. Прежде всего скажите, что происходит с «Тэмпико петролеум»? Дело в том, что я хочу уехать на рыбную ловлю.

– Что происходит с «Тэмпико петролеум»? – вопросом на вопрос ответил Риган, ловко разыгрывая полное неведение, хотя он один был во всем повинен.

Френсис кивнул и, опустившись в кресло, закурил сигарету, а Риган стал просматривать ленту биржевого телеграфа.

– Акции «Тэмпико петролеум» поднялись... на два пункта... А тебя, собственно, что беспокоит? – спросил он.

– Да ничего, – ответил Френсис. – Ровно ничего. Но не думаете ли вы, что некая группа хочет прибрать «Тэмпико» к рукам, – ведь потенциальная ценность предприятия колоссальна. Это, как вы понимаете, между нами; то есть я хочу сказать: совершенно конфиденциально.

Риган кивнул.

– Предприятие огромное, – продолжал Френсис. – В полном порядке. Солидное во всех отношениях. Без обмана. И вдруг такой скачок! Не кажется ли вам, что какое-то лицо, или группа лиц, хочет завладеть контрольным пакетом акций?

Компаньон его отца тряхнул своей седой копной, однако в голове, покрытой этими благородными сединами, таились далеко не благородные мысли.

– Ну что ты, – заметил он, – скорей всего это просто случайный скачок. А может быть, публика, играющая на бирже, заподозрила, что акции «Тэмпико петролеум» – штука в самом деле стоящая. Ты-то сам как считаешь?

– Конечно, стоящая, – горячо ответил Френсис. – Я получил такие приятные вести, Риган, что вы ахнете от удивления. Я всем моим друзьям говорю, что это дело солидное, без обмана. До чертиков обидно, что мне пришлось привлечь посторонний капитал. Но предприятие оказалось настолько крупным, что я просто вынужден был это сделать. Даже если бы я вложил все деньги, которые оставил мне отец, – я имею в виду свободный капитал, а не то, что уже вложено в другие предприятия, иными словами: наличность, – все равно мне одному не поднять этого.

– У тебя что, туго со средствами? – спросил старик Риган.

– О, у меня есть кругленькая сумма, которой я могу оперировать, – беспечно отвечал молодой человек.

– Ты хочешь сказать...

– Конечно. Вот именно. Если акции «Тэмпико» упадут, я буду покупать. Ведь это все равно, что найти деньги!

– На сколько же ты намерен покупать? – спросил Риган, пытаясь прощупать своего гостя, но скрывая свою заинтересованность под личиной добродушия и одобрения.

– На все, что у меня есть, – не задумываясь, ответил Френсис Морган. – Я же говорю вам, Риган: это колоссальное дело!

– Я не интересовался по-настоящему этим предприятием и не могу сказать, чего оно стоит, Френсис, но из тех немногих фактов, которые мне известны, оно представляется вполне солидным.

– Представляется! Говорю вам, Риган, что это золотое дно, без всякого обмана; и мне стыдно, что акции его пришлось выпустить на биржу. Но зато на них уж никто не разорится. Я только окажу услугу миру, выбросив на рынок... даже не могу сейчас точно сказать, сколько сотен миллионов баррелей отличной нефти... Да вы знаете, что у меня есть скважина на Хуастекских разработках, которая вот уже семь месяцев дает по двадцать семь тысяч баррелей в день. И фонтан еще не иссяк. Но это капля в море по сравнению с тем, что мы способны поставить на рынок. У этой нефти удельный вес двадцать два, а осадка в ней меньше двух десятых процента. Потом есть еще один фонтан – к нему надо только проложить миль шестьдесят нефтепровода, – который выбрасывает около семидесяти тысяч баррелей в день и, несмотря на принятые меры, буквально заливают нефтью всю окрестность.

Это я сообщаю вам, конечно, по секрету, сами понимаете. Дела у нас идут неплохо, и я вовсе не хочу, чтобы акции «Тэмпико петролеум» подскочили до небес.

– Можешь не беспокоиться об этом, сынок. Еще надо, чтобы нефть потекла по нефтепроводам и чтобы в Мексике прекратились революции, – только тогда акции «Тэмпико» могут взлететь вверх. А пока поезжай удить рыбу и забудь об этом. – Риган помолчал, потом, притворившись, будто вдруг что-то вспомнил, взял со стола визитную карточку Альвареса Торреса, на которой карандашом была нацарапана записка. – Взгляни, кто у меня только что был. – Риган помолчал, словно обдумывая внезапно пришедшую в голову мысль. – Ну зачем тебе ехать удить какую-то форель? Ведь это в конце концов пустое развлечение. А вот тут есть для тебя улов поинтереснее – это развлечение настоящее, достойное мужчины, не то что дача в Адирондакских горах наподобие персидского дворца, где вам и мороженое, и слуги, и электрические звонки. Твой отец всегда немало гордился этим пиратом, от которого пошел весь ваш род. Он утверждал, что похож на него, ну а ты безусловно похож на своего папашу.

– На сэра Генри, – с улыбкой заметил Френсис, протягивая руку за карточкой. – А я ведь тоже немало горжусь этим старым бандитом!

Прочитав каракули, нацарапанные на визитной карточке, он вопросительно взглянул на Ригана.

– История, которую рассказал мне этот парень, звучит вполне правдоподобно, – пояснил Риган. – Он говорит, что родился на этом самом Москитовом Берегу и узнал про клад из документов, хранящихся у них в семье. Но я, конечно, не верю ни единому слову из всего этого. У меня нет ни времени, ни желания интересоваться тем, что не имеет отношения к моим делам.

– Любопытно, что сэр Генри умер почти бедняком, – заметил Френсис, брови его сдвинулись, и между ними прорезались упрямые моргановские складки, – а спрятанный им клад так никто и не нашел.

– Ну что ж, желаю удачи в рыбной ловле, – добродушно усмехнулся Риган.

– А все-таки мне бы хотелось повидать этого Альвареса Торреса, – заявил молодой человек.

– Все это пустые бредни насчет зарытого золота, – продолжал Риган. – Хотя, должен признаться, история, которую рассказал мне этот парень, звучит на редкость правдоподобно. М-да, будь я помоложе... но мне, как видно, суждено сиднем сидеть здесь.

– Вы не знаете, где бы я мог найти его? – уже через минуту спрашивал Френсис, доверчиво всовывая шею в петлю, которую Судьба в образе Томаса Ригана приготовила, чтобы уловить его.

Свидание состоялось на следующее утро, в кабинете Ригана. При виде Френсиса сеньор Альварес Торрес вздрогнул, но тут же взял себя в руки. Это не ускользнуло от Ригана, который спросил с усмешкой:

– Совсем точно старый пират собственной персоной, а?

– Да, сходство поразительное, – солгал, или почти солгал, Торрес, ибо хотя он и заметил сходство Френсиса с портретами сэра Генри Моргана, но в то же время перед его мысленным взором предстал образ другого, только живого человека, который был похож и на Френсиса и на сэра Генри в такой же мере, в какой они оба походили друг на друга.

Френсис был молод, а молодость не знает преград. Тотчас были вытащены современные атласы и старинные географические карты, равно как и документы, написанные выцветшими чернилами на пожелтевшей от времени бумаге, – и не прошло и получаса, как Френсис объявил, что отныне признает рыбную ловлю только на Быке или на Тельце, – то есть на одном из двух островков в лагуне Чирикви, где, по уверению Торреса, должен находиться зарытый клад.

– Сегодня же вечером выезжаю поездом в Новый Орлеан, – объявил Френсис. – Тогда я как раз успею попасть на один из пароходов «Юнайтед фрут компани», который отправляется в Колон. О, я уже все выяснил вчера, прежде чем лечь спать.

– Только не фрахтуйте шхуны в Колоне, – посоветовал Торрес. – Поезжайте верхом до Белена. Там лучше всего фрахтовать судно: матросы народ простой – туземцы, и вообще все просто.

– Пожалуй, это разумно! – согласился Френсис. – Мне давно хотелось посмотреть тамошние края. А вы поспеете к этому поезду, сеньор Торрес?.. Вы, конечно, понимаете, что я беру на себя обязанности казначея и оплату всех расходов.

Но, поймав взгляд Ригана, Альварес Торрес мигом сообразил, что от него требуется, и принялся вдохновенно лгать.

– К сожалению, мистер Морган, я вынужден задержаться и присоединюсь к вам позже. У меня тут одно неотложное дельце... как бы это сказать?.. – небольшой судебный процесс, который мне надо довести до конца. Сумма иска, правда, незначительна, но тут затронуты интересы семьи, и потому это дело для меня чрезвычайно важное. У нас, Торресов, есть своя гордость. Я знаю, вам, американцам, это кажется смешным, но для нас – вещь очень серьезная.

– Он потом присоединится к тебе и поможет, если ты собьешься со следа, – заверил Френсиса Риган. – Кстати, пока вы не забыли, не мешало бы вам заранее договориться о разделе добычи... если вы, конечно, когда-нибудь найдете этот клад.

– Слово за вами. Что вы скажете? – спросил Френсис.

– Разделите поровну. Точно пополам, – предложил Риган, великодушно деля между ними то, чего, по его убеждению, вовсе не существовало.

– И вы сразу же приедете, как только сумеете, да? – спросил Френсис Торреса. – Послушайте, Риган, займитесь-ка его иском и уладьте все побыстрее. Ладно?

– Непременно, мой мальчик, – был ответ. – А если ему потребуются деньги? Дать?

– Безусловно! – Френсис крепко пожал обоим руки. – Это избавит меня от лишних хлопот. Ну, а сейчас я бегу: надо уложиться, отменить все свидания, которые были у меня назначены, и успеть на поезд. Всего хорошего, Риган. До скорой встречи, сеньор Торрес, где-нибудь возле Бокасдель-Торо или в какой-нибудь яме на Быке или Тельце. Так, по-вашему, клад на Тельце? Ну, в общем до встречи. Adios!¹ А сеньор Альварес Торрес остался еще на некоторое время у Ригана и получил подробнейшие инструкции о той роли, которую ему предстояло играть: с самого начала пути и на всем его протяжении он должен всячески задерживать и затягивать экспедицию Френсиса.

– Короче говоря, – заключил Риган, – я не буду очень горевать, если в интересах своего здоровья он останется там надолго, а если и вообще не вернется, тоже плакать не буду.

¹ До свиданья! (исп.)

Глава вторая

Деньги, как и молодость, не знают преград, и Френсис Морган, законный и естественный обладатель и молодости и денег, в одно прекрасное утро, через три недели после того, как он распрощался с Риганом, оказался на борту зафрахтованной им шхуны «Анджелика», попавшей неподалеку от берега в полосу штиля. Вода была точно стекло, шхуну еле покачивало, и Френсис Морган, томясь от скуки и избытка энергии, которая, так же как молодость, не знает преград, попросил метиса-капитана, сына ямайского негра и индианки, спустить за борт маленький ялик.

– Похоже, что здесь можно подстрелить попугая, или обезьяну, или что-нибудь в этом роде, – заметил Френсис, разглядывая в мощный цейсовский бинокль берег, поросший непроходимым лесом, в полумиле от них.

– Скорей всего, сэр, вы наткнетесь на лабарри, местную ядовитую змею, укус которой смертелен, – усмехнулся капитан и владелец «Анджелики», унаследовавший от своего отца ямайца способность к языкам.

Но Френсиса уже невозможно было удержать: в эту самую минуту он увидел в бинокль сначала белую асьенду² вдаль, а затем фигуру женщины в белом на берегу; он даже заметил, что женщина тоже рассматривает в бинокль его самого и шхуну.

– Спустите ялик, капитан, – приказал он. – Кто там живет? Белые?

– Семейство Энрико Солано, сэр, – был ответ. – Это родовитые испанские аристократы, уж поверьте моему слову. Им принадлежит вся эта местность, от моря до Кордильер, а также половина лагуны Чирикви. Земли у них много, а вот денег – мало. Гордецы страшные, ну и вспыльчивые, как порох.

Когда Френсис в крошечном ялике отплыл к берегу, зоркий глаз капитана подметил, что он не взял с собой ни ружья, ни дробовика для предполагаемой охоты на попугаев или обезьян. А еще глаз капитана уловил фигуру женщины в белом, выделяющуюся на темном фоне джунглей.

Френсис греб прямо к берегу, покрытому белым коралловым песком, не решаясь оглянуться через плечо и посмотреть, там ли еще эта женщина, или уже исчезла. В его помыслах не было ничего дурного – лишь вполне естественное для молодого человека желание познакомиться с молодой сельской жительницей, вероятно полудикаркой, а в лучшем случае – наивной провинциалочкой, с которой можно будет поболтать и подурачиться, пока штиль сковывает «Анджелику». Когда дно ялика зашуршало по песку, Френсис выпрыгнул из лодки, сильной рукой приподнял ее нос, втащил на берег и только после этого обернулся. Вокруг не было ни души. Френсис доверчиво пошел вперед. «Любой путешественник, попав на незнакомый берег, имеет право поискать местных жителей, чтобы узнать дорогу», – сказал он себе.

И Френсис, рассчитывавший лишь на мимолетное развлечение, получил столько развлечений и таких, о каких и мечтать не мог. Из-за зеленой стены джунглей, точно фея из волшебной шкатулки, внезапно выскочила уже виденная им молодая женщина и обеими руками схватила его за руку. Одного взгляда на нее было достаточно, чтобы понять, что это девушка, вполне созревшая и оформившаяся. Френсиса удивили сила и нежность, с какими она сжала его руку. Свободной рукой он сорвал с головы шляпу и поклонился незнакомке с невозмутимостью Моргана, воспитанного в Нью-Йорке и привыкшего ничему не удивляться, – и был удивлен, да еще как! Причем потрясла его не только красота девушки, но и взгляд, каким она в упор смотрела на него, – суровый и непреклонный. Ему даже показалось, будто он

² Асьенда – дом с прилегающими к нему плантациями.

уже где-то встречался с нею. Он что-то не замечал, чтобы незнакомые люди так смотрели друг на друга.

Девушка обеими руками потянула его за руку и взволнованно прошептала:

– Скорей! Следуйте за мной!

С минуту он колебался. Тогда она нетерпеливо дернула его, увлекая за собой. Решив, что это какая-то странная игра, принятая, вероятно, на побережье Центральной Америки, он с улыбкой уступил – и уже сам не знал, добровольно ли следует за нею, или она силой тащит его в джунгли.

– Делайте то же, что и я, – бросила она ему через плечо, держа его теперь только одной рукой.

Он повиновался с улыбкой: он полз, когда ползла она, сгибался в три погибели, когда она сгибалась, и то и дело сравнивал себя с Джоном Смитом и Покахонтасом³.

Внезапно девушка остановилась и села на землю, жестом приказав Френсису сесть рядом; она высвободила свою руку из его руки и прижала ее к сердцу.

– Слава богу! – с трудом переводя дух, произнесла она. – О милосердная дева Мария!

Подражая ей, – такова была ее воля и таковы были, по-видимому, правила игры, – он с улыбкой тоже прижал руку к сердцу, хоть и не обратился при этом ни к богу, ни к деве Марии.

– Неужели вы никогда не научитесь быть серьезным? – гневно сверкнув глазами, напустилась на него девушка.

Френсис тотчас принял самый серьезный и естественный вид.

– Милая моя леди... – начал было он.

Но она резким жестом оборвала его. С возрастающим удивлением Френсис увидел, как она наклонилась и стала прислушиваться, а потом и сам услышал шаги людей, спускавшихся по тропинке неподалеку от них.

Повелительно положив свою мягкую теплую ладонь на его руку и как бы приказывая ему молчать, девушка порывисто поднялась, – Френсис уже пришел к выводу, что эта порывистость у нее в натуре, – и побежала вниз по дорожке. Он чуть не свистнул от изумления. Да он бы и свистнул, если бы не услышал невдалеке ее голос: она резко спрашивала что-то по-испански, а мужские голоса хотя и почтительно, но возражали ей.

Затем Френсис услышал, как они пошли дальше, продолжая разговаривать. Минут на пять воцарилась мертвая тишина; потом до Френсиса снова донесся голос девушки: она приказывала ему выйти из засады.

«Ну и ну! Интересно, как бы вел себя Риган в таких условиях?» – с усмешкой подумал он, вылезая из кустов.

Он шел за ней следом, – теперь она уже не держала его за руку, – через джунгли к морю. Когда она остановилась, он подошел почти вплотную и стал перед нею, все еще считая, что это игра.

– Запятнал! – рассмеялся он, дотрагиваясь до ее плеча. – Запятнал! – повторил он. – Теперь вам ловить!

Ее черные глаза сверкнули испепеляющей яростью.

– Глупец! – воскликнула она и, подняв руку, ткнула пальцем – как ему показалось, с излишней фамильярностью – в его усики. – Неужели вы думаете, что это делает вас неузнаваемым?

– Но, милая моя леди... – начал было он, намереваясь объяснить девушке, что безусловно видит ее впервые.

Однако то, что последовало, заставило его прикусить язык и было столь же неожиданно, как и все, что девушка делала до сих пор. Это случилось так молниеносно, что он даже

³ Джон Смит и Покахонтас – следопыты, первооткрыватели Америки.

не заметил, откуда был извлечен крошечный серебряный револьвер, дуло которого было не только направлено на него, но вплотную прижато к его животу.

– Милая моя леди... – снова попытался начать он.

– Я не желаю разговаривать с вами, – перебила она его. – Отправляйтесь на свою шхуну и уезжайте... – Френсису показалось, что она подавила рыдание. И лишь после паузы она договорила: – ...навсегда.

Он снова открыл было рот, но, почувствовав резкий толчок револьвером под ложечку, так ничего и не сказал.

– Если вы еще когда-нибудь вернетесь – да простит мне мадонна! – я застрелю вас.

– В таком случае мне, пожалуй, лучше убраться отсюда, – шутливо бросил он и, повернувшись, зашагал к ялику; ему было и стыдно и смешно при мысли о том, в какое непостижимо нелепое положение он попал.

Он пытался сохранить последние остатки достоинства и делал вид, будто не замечает, что незнакомка идет за ним. Вытягивая из песка нос ялика, он подметил, что легкий ветерок зашелестел листьями пальм. От налетевшего с суши бриза море у берега стало темнеть; потемнело оно и там, у выхода из еще гладкой, как зеркало, лагуны Чирикви, где на горизонте вставали, точно мираж, далекие очертания рифов.

Френсис уже занес ногу, чтобы сесть в ялик, как вдруг услышал рыдание, заставившее его остановиться и повернуть голову. Странная девушка стояла, опустив револьвер, и плакала. В один миг Френсис очутился рядом с ней и участливо дотронулся до ее плеча. Девушка вздрогнула от его прикосновения и, отшатнувшись, с укором посмотрела на него сквозь слезы. Френсис пожал плечами, как бы говоря, что отказывается понимать столь необъяснимую смену настроений, и снова повернулся было к лодке, но незнакомка остановила его.

– Вы... – начала она, запнулась и тяжело вздохнула, – вы могли бы хоть поцеловать меня на прощанье.

И девушка порывисто бросилась к нему, раскрыв объятия, но все еще продолжая держать в правой руке столь не подходящий к случаю револьвер. Френсис, вконец сбитый с толку, какое-то мгновение стоял в растерянности, потом обнял ее и был награжден страстным поцелуем в губы, повергшим его в полное изумление; а незнакомка уронила голову ему на плечо и разразилась потоком слез. У Френсиса в глазах помутилось, однако он все же чувствовал давящую тяжесть револьвера, прижатого к его спине между лопатками. Через некоторое время девушка подняла мокрое от слез лицо и поцеловала Френсиса несколько раз, а он подумал: не подло ли с его стороны отвечать на ее поцелуи с такой же, не менее загадочной страстностью?

И только он успел сказать себе, что в общем ему безразлично, сколько времени продлится эта неясная сцена, как девушка вдруг отшатнулась от него и лицо ее снова запылало гневом и ненавистью, – угрожающе взмахнув револьвером, она указала ему на лодку.

Пожав плечами и как бы говоря, что он ни в чем не может отказать красивой женщине, Френсис повиновался, сел на весла, лицом к ней, и начал грести от берега.

– Да спасет меня дева Мария и не даст погибнуть из-за моего слабого сердца! – воскликнула девушка, свободной рукой срывая с шеи медальон. Золотые бусинки посыпались дождем, и медальон полетел в воду, разделявшую ее и Френсиса.

В эту минуту из джунглей выскочили трое мужчин с ружьями и бегом устремились к девушке, которая в изнеможении опустилась на песок. Они стали поднимать ее и тут только заметили Френсиса, который греб теперь изо всех сил. Френсис поспешно оглянулся, чтобы удостовериться, далеко ли еще до «Анжелики», и увидел, что шхуна, слегка накренившись, разрезая носом воду, идет ему навстречу. В эту минуту один из трех мужчин на берегу – тот, что был постарше, с бородой, – выхватил у девушки бинокль и направил его на Френсиса. А в следующий миг, бросив бинокль, он уже целился в него из ружья.

Пуля шлепнулась в воду на расстоянии какого-нибудь ярда от лодки, но, прежде чем раздался второй выстрел, девушка поспешно вскочила на ноги и ударом снизу выбила ружье из рук старика. Продолжая ожесточенно грести, Френсис увидел, как мужчины, отбежав от девушки, прицелились в него, но она выхватила револьвер и, наведя на них, заставила опустить ружья.

«Анджелика», повернутая против ветра, приостановилась, вспенивая воду, и Френсис ловким прыжком вскочил на палубу; в ту же секунду капитан повернул рулевое колесо, паруса надулись, и шхуна понеслась в море. С мальчишеским озорством Френсис послал на прощанье воздушный поцелуй незнакомке, продолжавшей смотреть ему вслед, и увидел, как она, в полном изнеможении, упала на грудь бородатого старика.

– Ну и порох, эти проклятые Солано! И гордые до сумасшествия, – заметил Френсису метис-капитан и улыбнулся, сверкнув белыми зубами.

– Бешеные какие-то, настоящие психопаты! – рассмеялся Френсис и, подбежав к борту, послал еще несколько воздушных поцелуев эксцентричной молодой особе.

Благодаря попутному ветру, дувшему с материка, «Анджелика» добралась до рифов, ограждающих вход в лагуну Чирикви, и, сделав еще миль пятьдесят вдоль них, к полуночи подошла к островам Быка и Тельца; тут капитан поставил судно на якорь, решив дождаться рассвета. После завтрака Френсис, посадив на весла матроса, негра с Ямайки, отправился в ялик обследовать остров Быка – более крупный, чем остров Тельца, и населенный в это время года, по словам шкипера, индейцами, которые перебираются сюда с материка для охоты на черепахах.

Еще не успев подъехать к острову, Френсис понял, что его отделяют от Нью-Йорка не только тридцать градусов широты, но и тридцать столетий, через которые он перемахнул, попав из ультрасовременной цивилизации в обстановку, можно сказать, первобытной дикости. Совсем голые, если не считать лоскутов мешковины на бедрах, вооруженные тяжелыми, необычайно острыми топорами-мачете, охотники на черепахах очень быстро доказали, что они отъявленные попрошайки и не остановятся перед убийством. Остров Быка принадлежит им, – объявили они Френсису через переводчика-матроса, который привез его сюда, – а Телец, прежде тоже принадлежавший им в сезон охоты на черепахах, теперь захватил один бешеный гринго⁴, отчаянный сорвиголова, несговорчивый и властный, сумевший с помощью страха завоевать их уважение – уважение перед двуногим существом, еще более свирепым, чем они сами.

За серебряный доллар Френсис уговорил одного из индейцев отправиться к таинственному гринго и передать ему, что он хотел бы его навестить. Тем временем остальные окружили ялик, принялись разглядывать Френсиса, клянчить у него деньги и даже бесцеремонно стащили его трубку, которую он на минуту вынул изо рта и положил рядом. Френсис тотчас дал по уху вору, а затем и второму, выхватившему ее у первого, и вернул себе трубку. В один миг вся толпа оцетинилась мачете, угрожающе засверкали на солнце отточенные острия, но Френсис быстро унял пыл индейцев, наведя на них свой пистолет-автомат; они попятиться и, сбившись в кучу, принялись зловеще шептаться. Тут Френсис обнаружил, что его единственный спутник и переводчик струсил: подойдя к охотникам на черепахах, он заговорил с ними явно заискивающим тоном, очень не понравившимся Френсису.

Тем временем вернулся посланный с запиской, и Френсис, поняв, что ему самому придется объясняться с ним, так как на ямайца надежда плохая, взял у него листок, поперек которого карандашом было нацарапано: «Vamos! Пошел ты к черту!»

⁴ Гринго – в Центральной Америке так называют англичан и жителей Соединенных Штатов.

– Придется мне, как видно, самому поехать туда, – подзвав к себе негра матроса, сказал Френсис.

– Будьте как можно осторожнее и осмотрительнее, сэр, – предупредил его негр. – Эти безмозглые скоты на все способны, сэр.

– Садись в лодку и вези меня туда, – кратко приказал Френсис.

– Нет, сэр. Очень сожалею, но нет, сэр, – отвечал чернокожий матрос. – Я нанимался, сэр, к капитану Трефэзену в матросы, но я не нанимался в самоубийцы, и я не поеду с вами, сэр, на верную смерть. Самое лучшее для нас было бы убраться из этого пекла; если же мы останемся, сэр, то нам тут зададут жару – это уж точно.

Возмущенный до глубины души, Френсис смерил матроса презрительным взглядом, сунул в карман пистолет, повернулся спиной к полуголым дикарям и зашагал прочь через пальмовую рощу. В том месте, где торчал огромный кусок кораллового рифа, выброшенный здесь давним землетрясением, он вышел к морю. У берега Тельца, от которого его отделял узкий проливчик, он увидел ялик на приколе. У того же берега, на котором находился он сам, стояло на приколе выдолбленное из дерева старое и явно дырявое каноэ. Френсис перевернул его, чтобы вылить воду, и тут заметил, что охотники на черепах последовали за ним и теперь с опушки кокосовой рощи наблюдают за его действиями; однако трусливого матроса среди них не было.

Переехать через проливчик было для Френсиса делом нескольких минут, но на берегу Тельца его ждал не более радушный прием – из-за пальмы вышел высокий молодой человек, босиком, с пистолетом-автоматом в руке, и гаркнул:

– Vamos! Убирайтесь вон отсюда! Живо!

– О боги морских глубин со всеми их рыбами и рыбешками! – полушутя, полусерьезно воскликнул Френсис и улыбнулся. – Тут у вас человеку и шагу нельзя ступить, чтобы ему не ткнули пистолетом в физиономию. И все кричат: «Убирайся вон, pronto!»⁵

– Никто вас не звал сюда, – возразил незнакомец, – Вы явились без спроса. Убирайтесь с моего острова. Даю вам полминуты.

– Знаете ли, приятель, я начинаю злиться, – чистосердечно признался Френсис, в то же время искоса поглядывая на ближайшую пальму и соображая, какое расстояние отделяет его от нее. – Все, кого я здесь ни встречал, какие-то сумасшедшие и к тому же невежи: гонят человека без всякого стеснения. Так что под конец у меня тоже характер изменился. А вот насчет того, будто этот остров ваш, так одни слова еще не являются доказательством...

И, не dokonчив фразы, Френсис метнулся под прикрытие пальмы. Едва он успел забежать за дерево, как в ствол ударила пуля.

– Ах так! – крикнул он и всадил пулю в ствол пальмы, за которой спрятался незнакомец.

Несколько минут продолжалась перестрелка: противники то палили друг в друга, то выжидали, тщательно рассчитывая выстрелы. Наконец, Френсис выпустил восьмую, и последнюю, пулю и тут без особого удовольствия вспомнил, что насчитал всего семь выстрелов со стороны незнакомца. Тогда он надел на руку свой пробковый шлем и осторожно выстрелил его из-за пальмы – шлем был тотчас же пробит пулей.

– Какой системы у вас револьвер? – холодно-вежливым тоном осведомился он.

– Кольт, – последовал ответ.

Френсис смело вышел из-за своего укрытия.

– В таком случае вы извели весь свой запас. Я считал выстрелы. Восемь. Теперь мы можем поговорить.

Незнакомец тоже вышел из-за дерева. И Френсис невольно залюбовался его статной фигурой, которую не мог обезобразить даже костюм, состоявший из грязных парусиновых

⁵ Живо (исп.).

штанов, тельняшки и сомбреро с обвисшими полями. Больше того: Френсису показалось, что он уже где-то видел этого человека, хотя ему и в голову не пришло, что он смотрит на точную копию самого себя.

– Поговорить! – фыркнул незнакомец и, отбросив револьвер, выхватил из-за пояса нож. – Вот сейчас отрежу тебе уши, а потом, может, и скальп сдеру.

– Ишь ты! Какие, однако, милые и добродушные звери водятся в здешних лесах, – в тон ему заговорил Френсис, чувствуя, как в нем нарастают гнев и возмущение. Он тоже выхватил свой охотничий нож, совсем еще новенький и блестящий. – Давай-ка лучше померяемся силами – без всякой этой поножовщины из дешевого уголовного романа.

– Мне нужны твои уши, – любезно возразил незнакомец и стал медленно наступать на Френсиса.

– Очень хорошо. Кто первый будет положен на обе лопатки, тот и отдаст свои уши победителю.

– Согласен! – Молодой человек в парусиновых штанах спрятал нож.

– Жаль, что здесь нет киноаппарата, чтобы заснять эту сцену, – усмехнулся Френсис, в свою очередь пряча нож. – Я зол, как сто чертей! Как самый злой индеец! Берегись! Я тебя сейчас любым способом положу на лопатки!

Сказано – сделано, но блестящий натиск Френсиса привел к самым позорным результатам: незнакомец, на первый взгляд, казалось бы, способный выдержать любой наскок, как только они сшиблись, повалился на спину. Это была хитрость: подняв ногу, он пнул Френсиса в живот, да так, что тот, перекувырнувшись в воздухе, перелетел через него.

От падения Френсис едва не лишился чувств, а тут еще противник набросился на него и так придавил к земле, что чуть дух из него не вышиб. Френсис лежал на спине, не в силах произнести ни слова, как вдруг заметил, что навалившийся на него человек с внезапным любопытством разглядывает его.

– Зачем тебе эти усики? – спросил незнакомец.

– Ладно, не разговаривай, отрезай уши, – проговорил Френсис, как только дыхание вернулось к нему. – Уши твои, а усы мои. Мы насчет них не уговаривались. А вообще ты положил меня на лопатки по всем правилам джиу-джицу.

– Ты же сам сказал: «Любым способом положу на лопатки», – процитировал со смехом незнакомец. – Так вот: уши можешь оставить себе; я и не собирался отрезать их, а теперь, посмотрев на них поближе, и вовсе не собираюсь: они мне не нужны. Вставай и убирайся отсюда. Я тебя побил. *Vamos!* И не смей больше появляться здесь и разнохивать! Пошел вон! Живо!

Возмущенный еще больше, чем прежде, и униженный сознанием своего поражения, Френсис вернулся на берег, где стояло его каноэ.

– Эй, молодой человек, может хоть свою визитную карточку мне оставите? – крикнул ему вслед победитель.

– Визитных карточек головорезам не оставляют, – бросил через плечо Френсис, прыгая в каноэ и отталкиваясь веслом от берега. – А фамилия моя – Морган.

На лице незнакомца отразилось величайшее изумление; он открыл было рот, намереваясь что-то сказать, потом передумал и лишь пробормотал себе под нос: «Одной породы! Не удивительно, что мы так похожи».

Все еще кипя от негодования, Френсис добрался до Быка, вытащил каноэ на берег, присел на борт, набил трубку, закурил и погрузился в мрачное раздумье. «Все здесь сумасшедшие, решительно все, – думал он. – Ни один человек не ведет себя по-человечески. Интересно, как бы старик Риган стал обделывать дела с такими людьми? Уж ему они бы наверняка уши отрезали».

Если бы в эту минуту Френсис мог видеть обладателя парусиновых штанов и такой знакомой физиономии, он окончательно пришел бы к убеждению, что жители Латинской Америки – самые настоящие сумасшедшие, ибо вышеупомянутый молодой человек сидел в крытой травую хижине у себя на острове и, улыбаясь собственным мыслям, говорил вслух:

– Кажется, я все-таки вселил божий страх в сердце этого представителя моргановской семейки. – И, подойдя к стене, принялся разглядывать висевшую на ней копию с портрета сэра Генри, родоначальника Морганов. – Итак, господин пират, – усмехнувшись, продолжал он, – двое ваших последних отпрысков чуть было не прикончили друг друга из пистолетов-автоматов, по сравнению с которыми ваше допотопное оружие – грошова игрушка.

Он нагнулся к старенькому, сильно побитому и изъеденному червями морскому сундуку, приподнял крышку с вырезанной на ней буквой «М» и снова обратился к портрету:

– Да, благородный мой предок, пират валлиец, немного же ты мне оставил: старое тряпье да лицо, как две капли воды похожее на твое. Но если б меня обстреляли, как тебя в Порт-о-Пренсе, я бы тоже сумел себя показать.

С этими словами он стал натягивать на себя изъеденную молью одежду, обветшавшую за долгие годы лежания в сундуке.

– Вот я и принарядился, – добавил он через минуту. – А ну, дражайший предок, выйди-ка из рамы и посмей сказать, что мы с тобой не похожи как две капли воды!

Теперь, когда молодой человек облекся в старинные одежды сэра Генри Моргана, перепоясавшись тесаком и засунул за широкий пояс два огромных, украшенных резьбою кремневых пистолета, сходство между ним, живым человеком, и портретом старого пирата, давно превратившегося в прах, было поистине разительно.

Ветер воет, море злится, —
Мы, корсары, не сдаем.
Мы – спина к спине – у мачты,
Против тысячи вдвоем!

запел молодой человек, перебирая струны гитары, старую пиратскую песню. Постепенно образ, смотревший на него с портрета, стал расплываться, и молодой человек увидел перед собой совсем другую картину.

Прислонившись спиной к грот-мачте, со сверкающим тесаком в руке, стоял старый пират, а перед ним полукругом толпились причудливо одетые головорезы-матросы; спиной к нему, по другую сторону мачты, стоял другой человек, одетый в такой же костюм и тоже с тесаком в руке, и так же полукругом толпились перед ним головорезы-матросы, замыкая образовавшееся вокруг мачты кольцо.

Яркое видение вдруг исчезло, разорванное звоном лопнувшей струны, которую молодой человек, увлекшись, сильно дернул. В наступившей тишине ему показалось, что старый сэр Генри вышел к нему из рамы и, став перед ним, тербит его за рукав, словно приказывая выйти из хижины, а сам с настойчивостью призрака все шепчет:

Мы – спина к спине – у мачты,
Против тысячи вдвоем!

Послушный зову призрака, а может быть, собственной обостренной интуиции, молодой человек вышел из хижины и спустился к морю. Посмотрев через узкий проливчик на противоположный берег, он увидел на острове Быка своего недавнего противника, который, прислонившись спиной к огромному обломку кораллового рифа, отбивался от полуголых

индейцев, наступавших на него со своими мачете; в руках у него был тяжелый сук, выловленный, очевидно, в воде.

В это время кто-то угодил Френсису камнем по голове, и все поплыло у него перед глазами; теряя сознание, он вдруг увидел нечто, почти убедившее его, что он уже мертв и находится в царстве теней: сэр Генри Морган собственной персоной, с тесаком в руке, спешил по берегу ему на выручку. Больше того – он размахивал этим тесаком и, круша индейцев направо и налево, пел зычным голосом:

Ветер воет, море злится, —
Мы, корсары, не сдаем,
Мы – спина к спине – у мачты,
Против тысячи вдвоем!

Ноги у Френсиса подкосились, он весь обмяк и медленно опустился на землю; последнее, что он видел, были индейцы, которые бросились врассыпную, преследуемые таинственным пиратом.

«Боже милосердный!» – «Святая дева, спаси нас!» – «Да ведь это призрак старика Моргана!» – донеслись до него их крики.

Френсис очнулся в крытой травой хижине в самом центре Тельца. Первое, что он увидел, придя в сознание, был портрет сэра Генри Моргана, глядевший на него со стены. А затем он увидел точную копию сэра Генри, только совсем молодого, из живой плоти и крови, – и этот сэр Генри поднес к его губам флягу с бренди и велел сделать глоток. Как только Френсис глотнул из фляги, силы сразу вернулись к нему, и он вскочил на ноги; движимые одним и тем же побуждением, молодые люди пристально посмотрели друг на друга, потом на портрет и, чокнувшись флягами, выпили за предка и друг за друга.

– Вы сказали мне, что вы – Морган, – произнес незнакомец. – Я тоже Морган. Этот человек на стене дал начало моему роду. А ваш род откуда берет начало?

– От него же, – ответил Френсис. – Меня зовут Френсис. А вас как?

– Генри – так же, как нашего предка. Мы с вами, должно быть, дальняя родня – четвероюродные братья или что-то в этом роде. Я тут ищу сокровища, которые в свое время наградил этот хитрый старый скупердый валлиец.

– Я тоже, – сказал Френсис и протянул ему руку. – Только к черту всякий дележ!

– Это в тебе говорит кровь Морганов, – одобрительно усмехнулся Генри. – Дескать, пусть достанется все тому, кто первый найдет. Я перекопал почти весь остров за эти полгода, и все, что нашел, – вот это тряпье. Я, конечно, постараюсь найти клад раньше тебя, но как только понадобится тебе и ты меня позовешь, стану с тобой спина к спине у мачты.

– Это замечательная песня, – сказал Френсис, – я бы хотел ее выучить. Ну-ка, повтори еще раз ту строфу.

И, звякнув флягами, они запели:

Мы – спина к спине – у мачты,
Против тысячи вдвоем!

Глава третья

Однако сильнейшая головная боль заставила Френсиса прекратить пение, и он с радостью позволил Генри уложить его в повешенный в тени гамак. Тем временем сам Генри отправился на «Анджелику» – передать капитану приказание своего гостя стоять на якоре и ни под каким видом не пускать матросов на берег Тельца. Лишь поздно утром на следующий день, проспав тяжелым сном немало часов кряду, Френсис, наконец, поднялся и заявил, что голова у него снова ясная.

– Я знаю, как это бывает: сам однажды свалился с лошади, – сочувственно заметил его странный родственник, наливая ему большую кружку ароматного черного кофе. – Выпей-ка вот это, сразу станешь другим человеком. Не могу предложить тебе ничего особенного на завтрак, кроме солонины, сухарей да яичницы из черепаших яиц. Яйца свежие, за это могу поручиться: я вырыл их сегодня утром, пока ты спал.

– Этот кофе уже сам по себе целый завтрак, – тоном знатока отозвался Френсис, разглядывая своего нового родича и время от времени переводя взгляд с него на портрет.

– Ты ведь тоже точная его копия; и схожи вы не только внешне, – рассмеялся Генри, поймав взгляд Френсиса. – Когда ты отказался вчера делить клад, ты рассуждал так, как рассуждал бы старик сэр Генри, будь он жив. У него была врожденная антипатия к дележу, он не делился даже с собственной командой. Отсюда все его беды. И уж, конечно, он не поделился бы ни одним пенни со своими потомками. А вот я совсем другой. Я не только готов отдать тебе половину Тельца, но и свою половину в придачу, вместе со всей подвижностью и недвижностью: бери себе и хижину, и прелестную обстановку, и фамильные ценности – все, даже черепаши яйца, какие остались. Когда же вам угодно будет вступить во владение всем этим?

– Как это понять?.. – спросил Френсис.

– А вот так. Здесь ничего нет. Я, можно сказать, перекопал весь остров, и единственное, что я нашел, – это сундук, набитый тряпьем.

– Но это должно было вдохновить тебя на дальнейшие поиски!

– Еще бы! Я уж думал, что клад у меня в кармане. Во всяком случае этот сундук указывал, что я на правильном пути.

– А почему бы нам не попытаться счастья на острове Быка? – спросил Френсис.

– Вот об этом я как раз и подумываю, хотя у меня есть основания предполагать, что сокровище зарыто где-то на материке. Ведь в старину люди имели обыкновение указывать долготу и широту с отступлением на несколько градусов.

– Да, если на карте помечено десять градусов северной широты и девяносто восточной долготы, это вполне может означать двенадцать градусов северной широты и девяносто два восточной долготы, – подтвердил Френсис. – А может означать и восемь градусов северной широты и восемьдесят восемь восточной долготы. Пираты держали поправку в уме, и если умирали внезапно, что, как видно, было их обыкновением, то секрет умирал вместе с ними.

– Я уже почти решил перебраться на остров Быка и всех этих охотников на черепах выставить оттуда на материк, – продолжал Генри. – А потом мне вдруг начало казаться, что, пожалуй, лучше начать с материка. У тебя ведь тоже, наверно, есть свои ключи для поисков клада?

– Конечно, – кивнул Френсис. – Но знаешь, мне хотелось бы взять обратно свои слова по поводу дележа.

– Валяй, бери, – подзадорил его Генри.

– Ну, так беру!

И, скрепляя свой договор, они крепко пожали друг другу руки.

– «Морган и Морган» – компания только из двух человек, – рассмеялся Френсис.

– Актив: все Карибское море, испанские колонии на материке, большая часть Центральной Америки, сундук, набитый никуда не годным старьем, и множество ям, вырытых в земле, – подхватывая шутку, в тон ему продолжал Генри. – Пассив: змеиные укусы, грабители-индейцы, малярия, желтая лихорадка...

– И красивые девушки, которые сначала целуют совершенно незнакомого человека, а потом тычут ему в живот блестящим серебряным револьвером, – вставил Френсис. – Я сейчас расскажу тебе одну занятную историю. Позавчера я отправился на шлюпке к материку. Не успел я высадиться на берег, как ко мне подскочила красивейшая в мире девушка и потащила за собой в джунгли. Я решил, что она либо собирается съесть меня, либо женить на себе. Но что из двух – понять не мог. И вот, прежде чем я успел это выяснить, как ты думаешь, что сделала эта прелестная особа? Сказала что-то весьма неблагоприятное о моих усах и, пригрозив револьвером, погнала обратно к лодке. А там заявила, чтобы я немедленно уезжал и никогда больше не возвращался или что-то в этом роде.

– Где же это случилось? – спросил Генри, весь превратившись в слух.

Но Френсис, увлеченный воспоминаниями о своем злополучном приключении, не заметил повышенного интереса собеседника.

– Да вон там, на противоположной стороне лагуны Чирикви, – ответил он. – Я узнал потом, что это родовое имение семейства Солано. Ну и люди же – настоящий порох! Но я еще не все тебе рассказал. Слушай. Сначала, значит, эта особа потащила меня в заросли и оскорбительно отозвалась о моих усах, потом, угрожая револьвером, погнала меня назад к лодке. А под конец пожелала узнать, почему я ее не поцеловал. Нет, слышал ты что-нибудь подобное?

– И ты поцеловал ее? – спросил Генри, и рука его непроизвольно сжалась в кулак.

– А что еще оставалось делать несчастному чужеземцу, очутившемуся в чужой стране? Девчонка была прехорошенькая!..

В следующую секунду Френсис был уже на ногах и, прикрыв рукою челюсть, едва успел отразить удар могучего кулака Генри.

– Я... я... извини, пожалуйста, – пробормотал Генри, тяжело опускаясь на старинный морской сундучок. – Я идиот – знаю, но пусть меня повесят, не могу я вынести...

– Ну вот, опять, – с упреком перебил его Френсис. – Нет, ты такой же сумасшедший, как и все в этой сумасшедшей стране. То ты перевязываешь мне рану на голове, а то готов снести эту самую голову с плеч. Ведешь себя не лучше той девчонки, которая сначала расцеловала меня, а потом стала тыкать револьвером в брюхо.

– Правильно! Ругай меня, я заслужил это, – уныло произнес Генри и тут же, помимо воли, снова вспылал: – Да черт бы тебя побрал, ведь это была Леонсия!

– Ну и что же, что Леонсия? Или Мерседес? Или Долорес? Неужели, если парень поцеловал хорошенькую девчонку, – да еще под дулом револьвера, – это дает право какому-то проходивцу в грязных парусиновых штанах, живущему на куче мусора, именуемой островом, снести ему голову с плеч?

– А если хорошенькая девчонка помолвлена с проходивцем в грязных парусиновых штанах?..

– Не может быть!.. – возбужденно прервал его Френсис.

– Да, и этому оборванцу, – продолжал Генри, – не очень-то приятно слышать, что его невеста целовалась с проходивцем, которого она никогда не видела, до того как он высадился со шхуны какого-то сомнительного ямайского негра.

– Значит, она приняла меня за тебя, – задумчиво произнес Френсис, начиная понимать, как все произошло. – Я не виню тебя за то, что ты вспылал; хотя, должен сказать, характер у тебя прескверный. Вчера ты, например, собирался отрезать мне уши, не так ли?

– Ну и у тебя характер ничуть не лучше, мой милый Френсис. Как ты настаивал, чтоб я отрезал тебе уши, когда я положил тебя на обе лопатки, ха-ха!

И оба весело расхохотались.

– Это характер старика Моргана, – сказал Генри. – Он, судя по преданию, был задирист, как черт.

– Но уж, наверно, не задиристее этих Солано, с которыми ты собираешься породниться. Ведь почти все семейство высыпало тогда на берег и хотело изрешетить меня, пока я греб к шхуне. А твоя Леонсия схватила свою пушку и пригрозила длиннобородому, должно быть ее отцу, что, мол, пристрелит его, если он не перестанет в меня палить.

– Держу пари, что это и был ее отец, сам старый Энрико! – воскликнул Генри. – А остальные – ее братья.

– Прелестные ящеры! – произнес Френсис. – Скажи, ты не боишься, что твоя жизнь станет слишком монотонной, после того как ты женишься и войдешь в эту мирную, кроткую семейку? – Но он тут же перебил сам себя: – Послушай, Генри, но если они приняли меня за тебя, какого же черта им так хотелось тебя укокошить? Опять, наверно, виноват сварливый моргановский нрав! Чем это ты привел в такое раздражение родичей своей будущей жены?

Генри с минуту смотрел на него, как бы решая, сказать или не сказать, и, наконец, ответил:

– Ну что ж, могу тебе, пожалуй, рассказать. Это преотвратительная история, и, должно быть, всему виною мой нрав. Я поссорился с ее дядей. Это был самый младший брат ее отца...

– Был?.. – прервал его Френсис многозначительно.

– Я же сказал, что *был*, – кивком подтверждая свои слова, продолжал Генри. – Его уже нет в живых. Звали его Альфаро Солано, и характерец у него был тоже преотменный. Все они считают себя потомками испанских конкистадоров⁶ и важничают поэтому, как индюки. Альфаро нажил себе состояние на продаже ценных пород древесины и как раз в ту пору развел большую плантацию кампешевого дерева на побережье. Однажды я с ним поссорился. Произошло это в маленьком городке Сан-Антонио. Может, это было недоразумение, хотя я до сих пор считаю, что он был не прав. Он всегда искал со мной ссоры: понимаешь, не хотел, чтобы я женился на Леонсии.

Ну и заваруха получилась! Началось все в пулькерии⁷. Альфаро пил там мескаль⁸ и хватил, должно быть, лишнего. Он оскорбил меня не на шутку. Нас разняли и отобрали ружья; но, прежде чем разойтись, мы поклялись убить друг друга. И вся беда в том, что при нашей ссоре присутствовало человек двадцать и все они слышали, как мы угрожали друг другу.

Часа через два комиссар с двумя жандармами проходил по глухому переулку в ту самую минуту, когда я наклонился над телом Альфаро: ему кто-то всадил нож в спину, и я споткнулся о его труп, идя к берегу. Что тут можно было сказать? Ничего! Все знали про ссору и угрозу мести. И вот не прошло и двух часов, как меня поймали с поличным у еще неостывшего трупа Альфаро. С тех пор я ни разу не был в Сан-Антонио: не теряя времени даром, я тогда моментально удрал. Альфаро был очень популярен – это был лихой парень, а толпа таких всегда любит. Меня даже и судить бы не стали, тут же выпустили бы кишки; так что я почел за благо исчезнуть побыстрее – pronto!

Затем, когда я уже был в Бокас-дель-Торо, меня разыскал посланный от Леонсии и передал мне обручальное кольцо с брильянтом: она возвращала мой подарок. Теперь ты зна-

⁶ Конкистадоры – испанские завоеватели, захватившие в конце XV и в XVI веке огромные территории Южной и Центральной Америки.

⁷ Пулькерия – кабачок.

⁸ Мескаль – мексиканская водка.

ещь все. После этой истории мне все опротивело. Вернуться в те края я не решался, зная, что семейка Солано, да и тамошние жители жаждут моей крови; вот я и прибыл сюда пожить немного затворнической жизнью и поискать сокровища Моргана... Однако мне бы очень хотелось узнать, кто всадил нож в Альфаро. Если мне удастся когда-нибудь найти этого человека, я оправдаюсь перед Леонсией и остальными Солано; и тогда можно не сомневаться, что мы поженимся. А сейчас могу тебе признаться, что Альфаро был вовсе не такой уж плохой малый, хоть и вспыльчив до чертиков.

– Ясно как день, – пробормотал Френсис. – Теперь я понимаю, почему ее отец и братья хотели продырявить меня... В самом деле, чем больше я смотрю на тебя, тем больше убеждаюсь, что мы похожи, как две горошины, если не считать моих усов...

– И вот этого, – Генри закатал рукав, и Френсис увидел длинный тонкий рубец, белевший у него на левой руке. – Это у меня с детства: упал с ветряной мельницы и пролетел прямо через стеклянную крышу в оранжерею.

– Теперь слушай, что я тебе скажу, – начал Френсис и весь просиял от осенившей его мысли. – Кто-то должен вытащить тебя из этой грязной истории. И сделает это не кто иной, как Френсис, компаньон фирмы «Морган и Морган»! Можешь оставаться здесь или отправиться на остров Быка и начать там разведку, а я поеду назад и объясню все Леонсии и ее родне...

– Если они не ухлопают тебя прежде, чем ты сумеешь объяснить, что ты – это не я, – с горечью заметил Генри. – В том-то и беда с этими Солано. Они сначала стреляют, а уж потом разговаривают. Они могут внять рассудку, только когда противника уже не будет в живых.

– И все-таки я попытаю счастья, старина, – заверил его Френсис, загоревшись своей идеей уладить печальное недоразумение между Генри и его возлюбленной.

Однако он сам удивлялся тому чувству, с каким вспоминал о ней. Ему было невыразимо жаль, что это очаровательное существо принадлежит по праву человеку, который так на него похож. Френсис снова увидел девушку, какой она была в ту минуту на берегу, когда, обуреваемая противоречивыми чувствами, то загоралась любовью и устремлялась к нему, то обрушивалась на него с гневом и презрением. Он невольно вздохнул.

– О чем это ты? – насмешливо спросил его Генри.

– Леонсия на редкость красивая девушка, – откровенно признался Френсис. – Но, как бы то ни было, она твоя, и уж я позабочусь о том, чтобы она тебе досталась. Где то кольцо, которое она тебе вернула? Если я не надену его на палец Леонсии от твоего имени и не вернусь сюда через неделю с добрыми вестями, можешь отрезать мне не только уши, но и усы.

Через час к берегу Тельца уж подходила шлюпка с «Анджелики», высланная капитаном Трефэзенем в ответ на поданный с берега сигнал. И молодые люди стали прощаться.

– Еще два обстоятельства, Френсис. Во-первых, забыл тебе сказать, что Леонсия вовсе не Солано, хоть она этого и не знает. Об этом мне сказал сам Альфаро. Она приемная дочь, но старик Энрико положительно молится на нее, хотя в жилах ее и не течет его кровь и она даже не одной с ним национальности. Альфаро никогда не рассказывал мне подробностей, сказал только, что она вовсе не испанка. Я даже не знаю, кто она – англичанка или американка. Она довольно прилично говорит по-английски, хотя изучила этот язык в монастыре. Видишь ли, Энрико удочерил ее, когда она была совсем крошкой, она и не догадывается, что это не ее отец.

– Неудивительно, что она с таким презрением и ненавистью отнеслась ко мне! – расхохотался Френсис. – Ведь она приняла меня за тебя; а она считала – да и до сих пор считает, – что это ты всадил нож в спину ее родному дядюшке.

Генри кивнул и продолжал прерванный рассказ:

– Во-вторых, я хочу предупредить тебя об одном чрезвычайно важном обстоятельстве. Речь идет о здешних законах, или, вернее, об отсутствии таковых. В этой богом забытой дыре законом вертят, как хотят. До Панамы далеко, а губернатор этого штата – или округа, или как он там у них называется – старик, настоящий сонный отец Силен. Зато начальник полиции Сан-Антонио – человек, с которым надо держать ухо востро. Он в этой глуши царь и бог, и подлец первостатейный, – уж кто-кто, а я это знаю. Взяточник – это слабое слово в применении к нему; а жесток он и кровожаден, как хорек. Для него самое большое удовольствие казнить человека: он обожает вешать. Берегись его и держи ухо востро... Ну, ладно, до свидания. Половина того, что я найду на острове Быка, – твоя... Да смотри, постарайся надеть кольцо на палец Леонсии.

Прошло два дня. После того как метис-капитан сам произвел разведку и привез известия, что вся мужская половина семьи Солано отсутствует, Френсис высадился на берег, где он впервые встретился с Леонсией. На этот раз поблизости не видно было ни девиц с серебряными револьверами, ни мужчин с ружьями. Кругом царил покой, и лишь оборванный мальчишка-индеец сидел у воды; увидев монету, он охотно согласился отнести записку молодой сеньорите в большую асьенду. Френсис вырвал из блокнота листок и начал писать: «Я тот, кого Вы приняли за Генри Моргана; у меня к Вам поручение от него...», отнюдь не подозревая, какие необычайные события должны обрушиться на него с не меньшей стремительностью, чем во время его первого посещения здешних мест.

Если бы ему пришло на ум заглянуть за выступ скалы, к которой он прислонился спиной, сочиняя это послание к Леонсии, глазам его предстала бы поразительная картина: Леонсия собственной персоной, точно морская царица, выходила после купанья из воды. Но Френсис продолжал спокойно писать, а маленький индеец был не менее его поглощен этой процедурой, так что Леонсия, выйдя из-за скалы, первая увидела их. Подавив возглас изумления, она повернулась и, не разбирая пути, бросилась бегом в зеленые заросли джунглей.

Френсис почти тотчас узнал, что она где-то рядом, когда до него долетел ее испуганный крик. Бросив на песок карандаш и записку, он побежал на крик и столкнулся с мокрой, полуодетой девушкой – она в ужасе мчалась назад, спасаясь от чего-то. Не разобравшись, что Френсис прибежал ей на помощь, Леонсия снова вскрикнула.

Она метнулась в сторону, чуть не сбив с ног мальчишку-индейца, и остановилась, лишь когда выбежала на песчаную отмель. От страха лицо ее побелело как полотно. Только тут она обернулась и увидела, что перед нею не новый враг, а спаситель.

– Что с вами? – взволнованно спросил Френсис. – Вы ушиблись? Что произошло?

Девушка указала на свое голое колено, на котором атели две крошечные капельки крови, вытекшие из двух еле заметных ранок.

– Гадюка, – сказала она. – Ее укус смертелен. Через пять минут я умру, и я рада этому, очень рада: по крайней мере тогда вы уже не будете больше терзать мое сердце.

И Леонсия, укоризненно ткнув в него пальцем, хотела было высказать все, что она думает о нем, но силы изменили ей, и она без чувств упала на песок.

Френсис знал о змеях Центральной Америки лишь понаслышке; и то, что он слышал, было ужасно: говорили, что даже мулы и собаки умирают в страшных мучениях через пятьдесят минут после укуса какой-нибудь двадцатидюймовой змейки. «Ничего нет удивительного, что она потеряла сознание, – подумал он, – ведь яд этот очень быстро действует, и, по видимому, он уже начал свою работу». О том, какую помощь оказывают при змеиных укусах, Френсис знал тоже лишь понаслышке. Но он мгновенно вспомнил, что надо туго перевязать ногу выше укуса, чтобы приостановить циркуляцию крови и не дать яду добраться до сердца.

Он вынул носовой платок, перевязал им ногу Леонсии выше колена, просунул в узелок коротенькую палочку, валявшуюся на берегу и, по-видимому, выброшенную морем, и туго-натуго закрутил платок. Затем, действуя опять-таки понаслышке, быстро открыл перочинный нож, прокалил лезвие на нескольких спичках, чтобы продезинфицировать его, и осторожно, но решительно сделал несколько надрезов в том месте, где виднелись следы змеиных зубов.

Френсис был донельзя перепуган; он действовал с лихорадочной поспешностью, каждую минуту ожидая появления на лежавшем перед ним прелестном существе страшных признаков смерти. Он слышал, что от змеиного укуса тело быстро набухает до невероятных размеров. Еще не покончив с надрезами, он уже решил, что будет делать дальше. Прежде всего он высосет, по возможности, весь яд, а затем раскурит сигарету и горящим концом прижжет ранки.

Не успел Френсис сделать и двух крестообразных надрезов ножом, как девушка беспокойно зашевелилась.

– Лежите смирно! – приказал он.

Но Леонсия села как раз в ту минуту, когда он нагнулся, чтоб высосать из ранки яд. Ответом на его слова была звонкая пощечина, которую нанесла ему маленькая ручка Леонсии.

В этот момент из джунглей выскочил мальчишка-индеец, приплясывая и размахивая мертвой змейкой, которую он держал за хвост.

– Лабарри! Лабарри! – захлебываясь от восторга, кричал он.

Френсис, услышав это, решил, что дело совсем худо.

– Лежите смирно! – резко повторил он. – Нельзя терять ни секунды.

Но Леонсия так и впилась глазами в мертвую змею. На душе у нее явно стало легче, однако Френсис этого не заметил, – он снова нагнулся, собираясь по всем правилам приступить к лечению.

– Да как вы смеете! – прикрикнула она на него. – Ведь это всего лишь лабарри, и притом не взрослая змея, а детеныш – его укус безвреден. А я думала, что это гадюка. Маленькие лабарри очень похожи на гадюк.

Почувствовав, что нога у нее онемела, – жгут, которым она была перетянута, почти приостановил кровообращение, – Леонсия посмотрела вниз и увидела носовой платок Френсиса, обмотанный выше ее колена.

– Что это вы придумали? – Яркий румянец залил ее лицо. – Ведь это всего лишь детеныш лабарри, – с упреком повторила она.

– Вы же мне сами сказали, что это гадюка! – возразил он.

Девушка спрятала лицо в ладонях, но скрыть своего смущения не могла: уши у нее так и пылали. Френсис мог бы поклясться, что она смеется, – если это, конечно, не истерика. Тут только он понял, как трудно ему будет выполнить взятую на себя задачу: надеть кольцо другого мужчины на палец Леонсии. Но он твердо решил не поддаваться ее чарам.

– Ну, теперь ваши родичи, надо полагать, изрешетят меня на том основании, что я не могу отличить лабарри от гадюки, – с горечью заметил он. – Можете позвать кого-нибудь из рабочих с плантации, чтоб они выполнили эту миссию! Или, может, вы пожелаете пристрелить меня собственноручно?

Но она, по-видимому, не слышала его: вскочив легко и грациозно, как и следовало ожидать от столь безукоризненно сложенного существа, она принялась изо всей силы топтать ногой по песку.

– У меня нога затекла, – пояснила она со смехом, уже не прячась от него.

– Вы ведете себя просто позорно, – поддразнивая ее, заметил он. – Ведь вы считаете, что это я убил вашего дядюшку.

Леонсия сразу перестала смеяться, и кровь отхлынула от ее лица. Она ничего не ответила, только нагнулась и дрожащими от гнева пальцами попыталась развязать платок, точно он жег ей ногу.

– Давайте я помогу вам, – любезно предложил Френсис.

– Вы зверь! – в запальчивости выкрикнула она. – Отойдите в сторону. Ваша тень падает на меня.

– Вот теперь вы совершенно очаровательны, просто прелестны, – продолжал насмехаться Френсис, в то же время с трудом подавляя властное желание заключить ее в объятия. – Вы сейчас точь-в-точь такая, какой я вас запомнил, когда в первый раз увидел на берегу: то вы упрекали меня, почему я не поцеловал вас, то принимались сами целовать меня – да, да, вы меня целовали! – а в следующую секунду уже угрожали навеки испортить мне пищеварение этой вашей серебряной игрушкой. Нет, вы ни на йоту не изменились с тех пор. Вы все тот же вулкан, именуемый Леонсией. Давайте-ка я лучше развяжу вам платок. Неужели вы не видите, что узел затянут? Вашим пальчикам никогда с ним не справиться.

Леонсия в безмолвной злобе топнула ногой.

– Мне еще повезло, что вы не берете с собой вашу игрушку, когда идете купаться, – продолжал поддразнивать ее Френсис, – а не то здесь, на берегу, пришлось бы устраивать похороны очаровательному молодому человеку, чьи намерения по отношению к вам всегда отличались благородством.

В эту минуту к ним подбежал мальчишка-индеец с купальным халатом Леонсии; она схватила его и поспешно надела, а уже потом, с помощью мальчишки, снова принялась развязывать узел. Когда платок был развязан, она отшвырнула его от себя с таким видом, точно это была ядовитая змея.

– Фу, гадость! – воскликнула она, чтобы уязвить Френсиса.

Но Френсис, продолжая в душе вести борьбу с самим собой, чтобы не поддаться ее обаянию, медленно покачал головой.

– Это вам не поможет, Леонсия, – заметил он. – Я оставил на вас метину, которая никогда не сойдет. – Он дотронулся до надрезов, сделанных на ее коленке, и рассмеялся.

– Метина зверя, – бросила она через плечо и повернулась, чтобы уйти. – Предупреждаю вас, мистер Генри Морган, не попадайтесь больше на моем пути.

Но он сделал шаг и преградил ей путь.

– Ну, а теперь поговорим по-деловому, мисс Солано, – сказал он, меняя тон. – И вы выслушаете меня. Можете сверкать глазами, сколько вам угодно, но прошу меня не перебивать. – Он нагнулся и поднял записку, которую начал было писать. – Я как раз собирался послать это вам с мальчиком, когда вы вскрикнули. Возьмите ее и прочтите. Она вас не укусит. Это ведь не ядовитая змея.

Хотя Леонсия решительно отказалась взять записку, однако глазами она непроизвольно пробежала первую строку:

«Я тот, кого Вы приняли за Генри Моргана...»

Девушка посмотрела на своего собеседника. По ее испуганным глазам видно было, что она многого не понимает, но о многом уже смутно догадывается.

– Честное слово, – серьезно сказал он.

– Вы... не... не Генри? – с запинкой спросила она.

– Нет, я не Генри. Быть может, вы все-таки возьмете записку и прочтете?

Она повиновалась и стала читать, а он не отрываясь смотрел на матовое лицо блондинки, позлащенное тропическим солнцем, которое не только опаляло тело, но и горячило кровь, а может быть, наоборот: именно горячая кровь придавала коже Леонсии этот чудесный золотисто-матовый оттенок.

Френсис был точно во сне; внезапно он понял, что смотрит прямо в ее испуганные, вопрошающие бархатисто-карие глаза.

– А чья подпись должна была стоять под этой запиской? – уже во второй раз спрашивала его Леонсия.

Заставив себя очнуться, он поклонился.

– Но имя? Как вас зовут?

– Морган, Френсис Морган. Как я уже объяснил в записке, мы с Генри – дальние родственники, троюродные братья или что-то в этом роде.

К удивлению Френсиса, в глазах ее вдруг появилось сомнение и взгляд снова загорелся гневом.

– Генри, – с укоризной сказала она ему, – ведь это же обман, дьявольская хитрость! Вы просто пытаетесь разыграть меня. Конечно, вы Генри.

Френсис указал на свои усы.

– Вы успели отрастить их с тех пор, – не отступала она.

Тогда он закатал рукав и показал ей свою левую руку от запястья до локтя. Но она только недоуменно глядела на него, явно не понимая, что он хочет этим доказать.

– Вы помните рубец? – спросил он ее.

Она кивнула.

– Тогда попытайтесь его найти.

Она наклонила голову, скользнула по его руке взглядом и медленно покачала головой.

– Я... – запинаясь, произнесла она, – я прошу извинить меня. Это ужасная ошибка.

Подумать только, как... как я обошлась с вами...

– Вы подарили мне божественный поцелуй, – с озорством школьника заметил он.

Но она вспомнила то, что произошло совсем недавно, взглянула на свое колено и, как ему показалось, подавила очаровательнейший смешок.

– Вы сказали, что у вас есть поручение от Генри? – спросила она, внезапно меняя тему разговора. – И что он не виновен?.. Это правда? Ох, как бы мне хотелось вам поверить!

– Я глубоко убежден, что Генри столь же невиновен в убийстве вашего дядюшки, как и я.

– Тогда не говорите больше ничего, по крайней мере сейчас, – радостно прервала она его. – Прежде всего я должна принести вам свои извинения, хотя вы и не можете отрицать, что некоторые ваши слова и поступки были просто возмутительны. И вы не имели права меня целовать.

– Если вы припомните, – возразил он, – я сделал это под угрозой револьвера. А вдруг вы бы меня пристрелили, если б я вас не поцеловал?

– Ох, замолчите, замолчите! – взмолилась она. – А теперь пойдете со мной к нам в дом. И по пути вы расскажете мне о Генри.

Взгляд ее случайно упал на платок, который она так презрительно отшвырнула в сторону. Она подбежала и подняла его.

– Бедный, обиженный платочек, как с тобой плохо обошлись, – нежно промолвила она. – Перед тобой мне тоже придется извиниться. Я сама тебя выстираю и... – Она подняла глаза на Френсиса. – И верну его вам, сэр, свежим и чистым, пропитанным благодарностью моего сердца...

– Это к зверю-то? – спросил он.

– Извините, пожалуйста, – покаянно сказала она.

– И мне теперь будет дозволено отбрасывать свою тень на вас?

– Да, да! – весело воскликнула она. – Вот! Видите: я стала в вашу тень. А теперь пойдете.

Френсис бросил песо обрадованному мальчишке-индейцу и в самом веселом настроении повернулся и последовал за Леонсией по дорожке, которая сквозь густую тропическую растительность вела к белой асьенде.

Альварес Торрес, сидевший на широкой террасе перед асьендой Солано, увидел сквозь густой кустарник юную пару, приближавшуюся к дому по извилистой подъездной аллее. И то, что он увидел, заставило его заскрежетать зубами и сделать весьма ошибочные выводы. Он пробормотал про себя проклятье и от злости даже не заметил, что у него потухла сигарета.

Он видел Леонсию и Френсиса, погруженных в оживленный разговор и, казалось, забывших обо всем на свете. Он видел, как Френсис размахивал руками, горячо что-то доказывая, – Леонсия даже остановилась, явно тронутая мольбами своего спутника. Он видел, – Торрес с трудом мог поверить собственным глазам, – как Френсис достал кольцо, а Леонсия, отвернувшись, протянула левую руку и позволила ему надеть это кольцо на ее безымянный палец – палец, на который надевают обручальные кольца. В этом Торрес мог бы поклясться.

А на самом деле Френсис просто надел на палец Леонсии подарок Генри. Леонсия, сама не зная почему, без особой охоты приняла его обратно.

Торрес отбросил потухшую сигарету, яростно, словно находя в этом какое-то облегчение, закрутил усы и направился навстречу молодым людям, уже поднимавшимся на террасу. Даже не ответив на приветствие девушки, он с перекошенным от гнева лицом набросился на Френсиса.

– Трудно, конечно, ожидать, чтобы убийца устыдился своего поступка, но он мог бы по крайней мере соблюдать приличия!

Френсис иронически усмехнулся.

– Ну вот, опять начинается, – сказал он. – Еще один сумасшедший в этой сумасшедшей стране! Последний раз, Леонсия, я видел этого джентльмена в Нью-Йорке. Он был тогда преисполнен готовности участвовать со мной в одном деле. А теперь я его встречаю здесь, и первое, что он мне говорит, – это что я низкий, бесстыжий убийца.

– Сеньор Торрес, вы должны извиниться, – вмешалась возмущенная девушка. – В доме Солано не принято оскорблять гостей.

– В таком случае, насколько я понимаю, в доме Солано принято, чтобы проезжие авантюристы убивали членов их семьи, – в тон ей заявил он. – Конечно, нет такой жертвы, которую нельзя было бы принести во имя гостеприимства.

– Возьмите себя в руки, сеньор Торрес, – любезно посоветовал ему Френсис. – Вы слишком много себе позволяете. Я скажу вам, в чем ваша ошибка. Вы считаете, что я Генри Морган. А я Френсис Морган, и мы с вами не так давно беседовали в кабинете Ригана в Нью-Йорке. Вот вам моя рука, пожмите ее – другого извинения при создавшихся обстоятельствах я от вас не потребу.

Торрес, в первую минуту совершенно ошеломленный тем, что мог так ошибиться, взял протянутую Френсисом руку и рассыпался в извинениях перед ним и Леонсией.

– А теперь, – сказала девушка, радостно рассмеявшись, и хлопнула в ладоши, вызывая служанку, – мне надо поместить куда-нибудь мистера Моргана, а самой пойти переодеться. После этого, сеньор Торрес, если вы разрешите, мы расскажем вам про Генри.

Леонсия удалилась на свою половину. Френсис вслед за молоденькой хорошенькой метиской-горничной тоже направился в отведенную ему комнату. А Торрес тем временем несколько опомнился, и все-таки удивлению его и злобе не было предела. Так, значит, этому пришельцу, совершенно незнакомому человеку, Леонсия разрешила надеть ей на палец кольцо, словно он ее жених. И мозг Торреса заработал яростно и быстро. Леонсия, которую

он называл в душе владычицей своих грез, вдруг в один миг обручилась с каким-то чужеземцем, с нью-йоркским гринго! Невероятно! Чудовищно!

Хлопнув в ладоши, он велел подать экипаж, нанятый им в Сан-Антонио. И когда Френсис вышел на террасу, чтобы поговорить с ним поподробнее о местонахождении клада старика Моргана, Торрес в своем экипаже был уже у ворот.

После завтрака Френсис заметил, что ветер переменялся и подул с суши – следовательно, можно будет быстро пересечь лагуну Чирикви и вдоль берега добраться до островов Быка и Тельца. Горя желанием поскорее обрадовать Генри известием о том, что его кольцо снова украшает пальчик Леонсии, он решительно отклонил ее любезное предложение заночевать у них и познакомиться с Энрико Солано и его сыновьями. У Френсиса была и еще одна причина для поспешного отъезда: он не мог дольше оставаться в обществе Леонсии. И совсем не потому, что она была ему неприятна, – напротив: она очаровала его, увлекла так сильно, что он не смел больше оставаться здесь, подвергаясь воздействию ее чар и этого все возрастающего влечения, если собирался сдержать слово, данное человеку в парусиновых штанах, который сейчас искал клад на острове Быка.

Итак, Френсис отбыл, унося в кармане письмо Леонсии к Генри. Прощание было кратким. Со вздохом, столь быстро подавленным, что Леонсия даже подумала, не почудилось ли ей это, оторвался он от ее руки и зашагал прочь по подъездной аллее. Она смотрела ему вслед, пока он не исчез из виду, затем со смутной тревогой перевела взгляд на кольцо, блестящее у нее на пальце.

Выйдя на берег, Френсис подал сигнал стоявшей на якоре «Анджелике», чтобы за ним выслали шлюпку. Но не успели матросы спустить ее на воду, как из лесу выскочили человек шесть всадников с револьверами за поясом и ружьями поперек седел и галопом помчались к нему. Двое скакали впереди. В одном из них Френсис узнал Торреса. Остальные четверо были метисы с физиономиями отъявленных бандитов. Все схватились за винтовки и прицелились в Френсиса, так что ему оставалось лишь повиноваться незнакомому жожаку, который рявкнул, чтобы он поднял руки вверх.

– Подумать только, – сказал Френсис, – что еще совсем на днях – или это было миллион лет назад? – я считал бридж по доллару за фишку самым волнующим развлечением. А тут вдруг являетесь вы, сэры, верхом и угрожаете моей бедной плоти всякими чужеродными телами. Так, может, вы объясните мне, в чем дело? Неужели мне всегда суждено покидать этот берег под аккомпанемент выстрелов? Что вам собственно нужно: мои уши или хватит усов?

– Нам нужен ты сам, – ответил незнакомый жожак, усы его свирепо щетинились, а черные бегающие глазки свирепо поблескивали.

– Так, может, вы мне скажете, во имя Адама и Евы и всех распрекрасных ящеров, кто вы такие?

– Это почтенный сеньор Мариано Веркара-и-Ихос, начальник полиции Сан-Антонио, короче – шеф, – ответил Торрес.

– Ну, пропал! – рассмеялся Френсис, вспомнив, как описывал этого субъекта Генри. – Должно быть, вы считаете, что я нарушил какое-то правило стоянки судов или предписание санитарной комиссии, бросив здесь якорь. Но об этом вам надо говорить с моим капитаном – капитаном Трефэзеном, весьма почтенным джентльменом. А я – только лицо, зафрахтовавшее шхуну, обычный пассажир. Вы безусловно убедитесь, что капитан Трефэзен – большой знаток законов мореплавания и стоянки судов в порту.

– Вы должны держать ответ за убийство Альфаро Солано, – сказал Торрес. – Вам не удалось одурачить меня, Генри Морган, вашими разговорами в асьенде о том, что вы якобы

кто-то другой. Я знаю этого другого. Его зовут Френсис Морган, и я смело могу сказать, что он вовсе не убийца, а джентльмен.

– О боги морских глубин со всеми их рыбами и рыбешками! – воскликнул Френсис. – Но ведь вы пожали мне руку, сеньор Торрес!

– Я был одурачен, – со скорбной миной признался Торрес, – но только на какой-то миг. Ну, так сдаетесь вы мирным путем?

– Точно я могу... – Френсис взглянул на шесть ружей и красноречиво пожал плечами. – Я полагаю, вы будете судить меня pronto и на заре повесите?

– Правосудие свершается очень быстро в Панаме, – ответил начальник полиции по-английски; говорил он более или менее понятно, только с забавным акцентом. – Но все-таки не так быстро. Мы не повесим вас на заре, лучше в десять утра – так для всех будет удобнее. Как вы полагаете?

– О, решайте сами, – ответил Френсис. – Можно и в одиннадцать и в двенадцать, мне все равно.

– Попрошу вас следовать за нами, сеньор, – сказал Мариано Веркара-и-Ихос мягким тоном, который, однако, не мог скрыть железной твердости его намерений. – Хуан! Игнасио! – скомандовал он по-испански. – Слезайте с коней! Отберите у него оружие! Нет, руки связывать не надо. Посадите его на лошадь позади Грегорио.

Френсиса втолкнули в аккуратно выбеленную камеру с глинобитными стенами футов в пять толщиной; на земляном полу спали в разных позах человек шесть арестантов-пеонов. Прислушиваясь к глухим ударам топора, раздававшимся где-то неподалеку, Френсис вспомнил только что окончившийся суд и тихо, протяжно свистнул. Было половина девятого вечера. Суд начался в восемь. А топоры уже стучали по бревнам, из которых соорудили виселицу, – завтра в десять часов утра на этом помосте ему обовьют веревкой шею и вздернут. Разбор дела длился всего тридцать минут, по его часам. Они уложились бы и в двадцать, если бы в зал не ворвалась Леонсия и не задержала внимания судей еще на десять минут, любезно предоставленных ей как даме из знатного рода Солано.

«Шеф был прав, – заключил про себя Френсис. – Правосудие в Панаме на самом деле свершается быстро».

Одно то, что в кармане у него нашли письмо от Леонсии на имя Генри Моргана, уже губило его. Остальное было просто. С полдюжины свидетелей присягнули в том, что было совершено убийство, и опознали его как убийцу. То же подтвердил и сам начальник полиции. Единственным светлым моментом было внезапное появление Леонсии в сопровождении трясущейся от старости дряхлой тетушки Солано. У Френсиса сладко замерло сердце, когда он увидел, с какой энергией прелестная девушка ринулась в борьбу за его жизнь, хотя борьба эта и была заранее обречена на провал.

Первым делом она велела Френсису закатать рукав и показать левую руку, при этом Френсис заметил, как начальник полиции презрительно передернул плечами. Затем Леонсия повернулась к Торресу и заговорила по-испански, страстно доказывая что-то, – что именно, Френсис не мог понять, так как говорила она слишком быстро. А потом он видел и слышал, как орала и жестикулировала наполнявшая зал толпа, когда Торрес взял слово.

Но чего он не видел – это как Торрес потихоньку обменялся несколькими словами с начальником полиции, прежде чем пробраться сквозь толпу к месту, отведенному для свидетелей. Он не видел этой сценки, как не знал и того, что Торрес находится на жалованье у Ригана, который платит, чтобы его, Френсиса, держали вдали от Нью-Йорка как можно дольше, а если удастся, то и всю жизнь. Не знал Френсис и того, что Торрес влюблен в Леонсию и терзается ревностью, способной толкнуть его на любой шаг.

Поэтому Френсис не понял всего, что скрывалось за ответами Торреса на вопросы Леонсии, которая все-таки заставила его признать, что он никогда не видел шрама на левой руке Френсиса Моргана. Леонсия победоносно посмотрела на старикашку-судью, но тут начальник полиции вышел вперед и, подойдя к Торресу, громовым голосом спросил:

– А можете ли вы поклясться, что когда-либо видели шрам на руке Генри Моргана?

Смущенный, сбитый с толку Торрес растерянно посмотрел на судью, потом умоляюще перевел взгляд на Леонсию и, наконец, молча покачал головой в знак того, что не может поклясться в этом.

Толпа оборванцев, наполнявшая зал, торжествующе заревела. Судья произнес приговор, рев усилился, и комиссар с несколькими жандармами поспешно вывели Френсиса – не без сопротивления с его стороны – из зала суда и препроводили в камеру, – казалось, они стремились спасти его от толпы, не желавшей ждать до десяти часов завтрашнего утра, чтобы учинить над ним расправу.

«Эх, как этот бедняга Торрес попался, когда его стали спрашивать про шрам Генри!» – дружелюбно размышлял Френсис; вдруг загромыхали засовы, дверь в его камеру отворилась, и на пороге показалась Леонсия.

Френсис поднялся навстречу ей. Но она, не отвечая на его приветствие, повернулась к сопровождавшему ее комиссару и обрушилась на него, подкрепляя свою речь властными жестами. Комиссар, видимо, дал себя уговорить и приказал тюремщику перевести пеонов в другие камеры, а сам как-то нервно поклонился, словно извиняясь перед Леонсией, и вышел, прикрыв за собой дверь.

Только тогда самообладание покинуло Леонсию: она бросилась в объятия Френсиса и разрыдалась у него на плече.

– Проклятая страна, проклятая страна! Нет в ней справедливости!

Держа в объятиях ее гибкое тело, такое волнующе прекрасное, Френсис вспомнил Генри – босого, в парусиновых штанах и обвисшем сомбреро, который там, на острове Быка, упорно роет песок в поисках сокровища.

И хотя его влекло к Леонсии, он попытался высвободиться из ее объятий, но это не вполне удалось ему. И все же он отчасти сумел овладеть собой и заговорил с ней голосом рассудка, а не сердца, властно напоминавшего о себе.

– Теперь по крайней мере я знаю, что такое сговор, – произнес он, хотя сердце его в этот миг подсказывало ему совсем иные слова. – Если бы ваши соотечественники умели спокойно рассуждать, вместо того чтобы действовать сгоряча, они бы прокладывали железные дороги и развивали свою страну. Посмотрите на этот суд – ведь он весь был построен на игре страстей, на сговоре. Те, кто меня судил, заранее знали, что я виновен, и им так хотелось наказать меня, что они даже не потрудились отыскать доказательства моей виновности или хотя бы установить личность обвиняемого. К чему откладывать? Они знали, что Генри Морган пырнул ножом Альфаро. Они знали, что я Генри Морган. А когда человек знает, чего ради утруждать себя проверкой?

Не слушая его, Леонсия всхлипывала и все порывалась обнять его, а когда он умолк, она уже была в его объятиях, головка ее прильнула к его груди, губы – к его губам; и не успел он опомниться, как уже сам целовал ее.

– Люблю тебя, люблю тебя! – сквозь рыдания шептала она.

– Нет, нет! – сказал он, отталкивая от себя ту, которую больше всего желал. – Мы просто очень похожи с Генри. Ведь вы любите Генри, а я не Генри.

Разжав объятия, она сдернула с пальца кольцо Генри и швырнула его на пол. Френсис совсем потерял голову; он и сам не знал, что могло бы произойти в следующий момент, если бы его не спасло появление комиссара с часами в руке, который, не поднимая головы, упорно смотрел на минутную стрелку и делал вид, что для него больше ничего не существует.

Леонсия горделиво выпрямилась, но когда Френсис снова надел ей на палец кольцо Генри и на прощание поцеловал руку, она едва не разрыдалась. Уже у самой двери она обернулась и одними губами беззвучно шепнула: «Люблю тебя».

Ровно в десять, с последним ударом часов, Френсиса вывели на тюремный двор, где стояла виселица. Все жители Сан-Антонио, а также и многих окрестных селений собрались здесь; толпа была возбуждена и весело настроена. Леонсия, Энрико Солано и пять его рослых сыновей были тоже тут. Отец и братья Леонсии, кипя от негодования, нетерпеливо прохаживались взад и вперед, но начальник полиции, окруженный жандармами во главе с комиссаром, оставался невозмутимым. Тщетно пыталась Леонсия пробиться к Френсису, когда его подвели к виселице, и тщетно пытались родные уговорить девушку покинуть двор. И так же тщетно протестовали ее отец и братья, утверждая, что Френсис не тот человек, которого ищет правосудие. Начальник полиции лишь презрительно усмехнулся и приказал начинать.

Когда Френсис взошел на помост и ступил уже на лестницу, приставленную к виселице, к нему подошел священник; но Френсис отказался от его напутствия: он сказал ему по-испански, что если вешают невинного человека, то он и без чужих молитв попадет в рай, – пусть молятся те, кто его вешает.

Френсису связали ноги и стали вязать руки, на него уже собирались надеть черный колпак и накинуть на шею петлю, как вдруг из-за тюремной ограды донесся голос приближающегося певца:

Мы – спина к спине – у мачты,
Против тысячи вдвоем!

Леонсия, находившаяся в полубморочном состоянии, услышав этот голос, пришла в себя и даже вскрикнула от радости, увидев Генри Моргана, который, расталкивая стражу, преграждавшую ему путь, входил в это время во двор.

Один только Торрес огорчился при появлении Генри, но все были так возбуждены, что никто этого не заметил. Зрители не стали возражать, когда начальник полиции, пожав плечами, объявил, что ему безразлично, кого из этих двух вешать, – лишь бы повесить. Зато вся мужская половина семейства Солано горячо запротестовала, утверждая, что Генри тоже не виновен в убийстве Альфаро. Однако решил дело Френсис; все еще стоя на помосте, пока ему развязывали руки и ноги, он крикнул, перекрывая шум толпы:

– Вы судили меня! Вы не судили его! Вы не можете повесить человека без суда! Раньше должен быть суд!

Френсис спустился с помоста и обеими руками схватил руку Генри, но не успел он пожать ее, как к ним подошел комиссар, сопровождаемый начальником полиции, и с соблюдением всех формальностей арестовал Генри Моргана за убийство Альфаро Солано.

Глава четвертая

– Надо действовать быстро – это главное, – заявил Френсис, обращаясь к небольшому семейному совету, собравшемуся на веранде асьенды Солано.

– Главное – укоризненно воскликнула Леонсия, перестав взволнованно мерить шагами веранду. – Главное – это спасти его!

И она возмущенно потрясла пальцем перед носом Френсиса, как бы подчеркивая значение сказанного. Не удовольствовавшись этим, она потрясла пальцем и перед носом всех своих родных – отца и каждого из братьев.

– И быстро! – с жаром продолжала она. – Мы должны действовать быстро, а не то... – И голос ее оборвался от несказанного ужаса, охватившего ее при мысли о том, что может произойти с Генри, если они не будут действовать быстро.

– Для шефа все гринго одинаковы, – в тон ей заметил Френсис, а сам при этом подумал: «Какая она красивая и чудесная». – Шеф, безусловно, царь и бог в Сан-Антонио, – продолжал он, – и привык действовать не раздумывая. Он даст Генри не больше срока, чем дал мне. Мы должны сегодня же вызволить беднягу из тюрьмы.

– Слушайте! – снова заговорила Леонсия. – Мы, Солано, не можем допустить этой... этой казни. Наша гордость... наша честь... Мы не можем допустить этого. Ну, говорите же! Да говорите же кто-нибудь! Хоть ты, отец. Предложи что-нибудь...

А пока шло обсуждение, Френсис молча слушавший их дебаты, терзался глубокой печалью. С каким великолепным пылом говорила Леонсия, но пыл этот был вызван чувством к другому человеку, что, конечно, не могло порадовать Френсиса. Сцена, разыгравшаяся на тюремном дворе после того, как его выпустили, а Генри арестовали, все еще стояла у него перед глазами. Он точно сейчас видел – и сердце его заныло при воспоминании об этом, – как Леонсия бросилась в объятия Генри, а тот отыскал ее руку, чтобы убедиться, на месте ли его кольцо, и, убедившись, крепко обнял девушку и поцеловал долгим поцелуем.

«Ну ладно, хватит», – со вздохом подумал Френсис. Во всяком случае, он сделал все, что мог. Разве после того, как Генри увели, он не сказал Леонсии – спокойно и даже холодно, – что Генри ее жених и возлюбленный и что лучшего выбора дочь Солано и сделать не могла?

Но от этих воспоминаний он ничуть не становился счастливее, как и от сознания, что поступил правильно. Да, правильно. Он ни разу в этом не усомнился, и это позволяло ему глушить в себе чувство к Леонсии. Однако сознания собственной правоты, как он обнаружил в данном случае, еще далеко не достаточно, чтобы чувствовать себя счастливым.

Но на что же иное мог он рассчитывать? Просто ему не повезло: он приехал в Центральную Америку слишком поздно – вот и все; приехал, когда эта прелестная девушка уже отдала свое сердце тому, кто пришел до него, – человеку, ничуть не хуже его самого, а может быть, как подсказывало ему чувство справедливости, даже и лучше. И это чувство справедливости требовало, чтобы он честно относился к Генри – своему кровному родственнику Генри Моргану, необузданному потомку необузданного предка, человеку в парусиновых штанах и обвисшем сомбреро, равнодушному к ушам незнакомых молодых людей, питающемуся сухарями и черепашьими яйцами и готовому перекопать целых два острова – Быка и Тельца – в поисках клада старого пирата.

Энрико Солано и его сыновья, сидя на широкой веранде своего дома, строили планы спасения Генри, а Френсис рассеянно слушал их; в это время из комнат вышла служанка, прошептала что-то на ухо Леонсии и повела ее за угол дома, на другой конец веранды, где

произошла сцена, которая немало насмешила бы и разъярила Френсиса, присутствуй он при ней.

Завернув за угол дома, Леонсия увидела Альвареса Торреса, раздетого в пышный средневековый костюм богатого плантатора, какие еще носят в Латинской Америке; Торрес снял сомбреро и, держа его в руке, склонился перед девушкой чуть не до земли, затем подвел ее к плетеному диванчику из индейского тростника и усадил. Леонсия грустно ответила на его приветствие, хотя в тоне ее прозвучало любопытство – точно она надеялась услышать от него какую-нибудь обнадеживающую весть.

– Суд закончился, Леонсия, – сказал Торрес тихо и печально, словно говорил о покойнике. – Он приговорен. Завтра в десять утра – казнь. Все это очень грустно, чрезвычайно грустно, но... – Он пожал плечами. – Нет, я не стану говорить о нем ничего дурного. Он был достойный человек. Единственный его недостаток – характер. Слишком он был горяч, слишком вспыльчив. Это и погубило его, заставив погрешить против чести. Будь он в ту минуту спокойнее и хладнокровнее, никогда бы он не всадил нож в Альфаро...

– Это не он убил моего дядю! – воскликнула Леонсия, поднимая голову и глядя на него.

– Все это весьма печально, – мягко и грустно продолжал Торрес, избегая перечить ей. – Судья, народ, начальник полиции – все, к сожалению, в один голос утверждают, что он виновен. Весьма печально, конечно. Но не об этом я пришел с вами говорить. Я пришел предложить вам мои услуги. Располагайте мной, как вам угодно. Моя жизнь, моя честь – в вашем распоряжении. Приказывайте. Я ваш раб.

И Торрес вдруг грациозно опустился перед ней на одно колено; взяв ее левую руку, он, видимо, собирался продолжать свою цветистую речь, но в эту минуту взгляд его упал на кольцо с бриллиантом, украшавшее безымянный палец Леонсии. Он нахмурился и опустил голову; затем, поспешно придав своему лицу обычное выражение, заговорил:

– Я знал вас, когда вы были еще совсем дитя, Леонсия, прелестная очаровательная крошка, и я уже тогда любил вас. Нет, выслушайте меня! Прошу вас. Я должен излить свое сердце. Выслушайте меня до конца. Я всегда любил вас. Но когда вы вернулись из-за границы, из этого монастыря, где вы учились, – вернулись уже взрослой, благородной и важной дамой, какой и подобает быть хозяйке дома Солано, – о, тогда я был просто сражен вашей красотой. Я был терпелив. Я не говорил вам о своих чувствах. Но вы могли догадаться о них. И вы, конечно, догадывались. С тех самых пор я воспылал к вам страстью. Меня пожирало пламя, зажженное вашей красотой, вашей душой, которая еще прекрасней вашей красоты.

Леонсия знала, что остановить поток его излияний невозможно, и потому терпеливо слушала, глядя на склоненную голову Торреса и от нечего делать думая о том, почему у него волосы так некрасиво подстрижены и где он в последний раз стригся – в Нью-Йорке или в Сан-Антонио.

– Знаете ли вы, чем вы были для меня с тех пор, как вернулись?

Она не отвечала и не пыталась отнять у него руку, хотя он так сильно сжимал ее, что кольцо Генри Моргана впилось ей в пальцы, причиняя острую боль. Она не слышала речей Торреса, все дальше и дальше уносясь в мыслях. И первая ее мысль была о том, что вовсе не такими выпренными тирадами сказал ей Генри Морган о своей любви и завоевал ее взаимность. И почему это испанцы всегда так высокопарно и многословно выражают свои чувства? Генри вел себя совсем иначе. Он вообще почти ни слова не сказал ей. Он действовал. Поддавшись ее обаянию, чувствуя, что и она равнодушна к нему, он без всякого предупреждения – так он был уверен, что не удивит и не испугает свою любимую, – обнял ее и прижался губами к ее губам. И она не испугалась и не осталась равнодушной. Только после этого первого поцелуя, продолжая держать ее в объятиях Генри заговорил о своей любви.

А о чем совещаются сейчас там, на другом конце террасы, ее родные и Френсис Морган, что они придумали? Мысли ее текли дальше – она была глуха к мольбам своего поклон-

ника. Френсис! Ах!.. Она даже вздохнула: почему, несмотря на любовь к Генри, этот чужой гринго так волнует ее сердце? Неужели она такая уж безнравственная? Кто же из них ей более мил? Этот? Или тот? Или вообще любой мужчина может ее увлечь? Нет! Нет! Она не легкомысленна и не вероломна. И все же?.. Может быть, это потому, что Френсис и Генри так похожи друг на друга и ее бедное глупое любящее сердечко не в состоянии их различить? Прежде ей казалось, что она готова последовать за Генри на край света, делить с ним радости и горе; однако сейчас ей казалось, что она готова последовать за Френсисом еще дальше. Она, безусловно, любит Генри – сердце говорит ей это. Но она любит и Френсиса и почти уверена, что Френсис любит ее, – ей не забыть, с каким пылом они целовались там, в тюремной камере. И хотя любила она этих двух людей по-разному, чувство это не укладывалось в ее сознании, а порой даже вынуждало прийти к позорному выводу: что она – последняя и единственная представительница женской линии в роду Солано – безнравственная женщина.

Кольцо Генри сильно врезалось в палец Леонсии – Торрес в приливе страсти опять крепко сжал ей руку, – и это вернуло ее к действительности, волей-неволей заставив слушать его излияния.

– Вы шип дивной розы, вонзившийся мне в сердце, острая шпора, терзающая мне грудь, но это раны любви, мучительно-сладостные. Я мечтал о вас... и о том, что совершу ради вас. И у меня было для вас особое имя, всегда только одно: владычица моих грез! И вы выйдете за меня замуж, моя Леонсия! Мы забудем этого сумасшедшего гринго, который сейчас уже все равно что мертв. Я буду с вами нежен и добр. Я буду вечно любить вас. И никогда образ того, другого, не встанет между нами. Что до меня, то я не позволю себе вспоминать о нем. Что же до вас... я буду любить вас так сильно: вы забудете об этом человеке, и воспоминание о нем ни на миг не даст вашему сердечку заныть.

Леонсия молчала, обдумывая про себя, как ей поступить, и молчание это только разжигало надежды Торреса. Леонсия чувствовала, что надо выиграть время и не отвечать сразу. Если братья за спасение Генри... ведь Торрес предлагает ей свои услуги! Зачем же его отталкивать, когда от него, возможно, зависит жизнь человека.

– Говорите! Я сгораю!.. – молил прерывающимся голосом Торрес.

– Не надо! Не надо! – мягко сказала она. – Ну как же я могу слушать про чью-то любовь, когда тот, кого я любила, еще жив?

Любила!.. Она даже вздрогнула, произнеся это слово в прошедшем времени. Вздрогнул и Торрес – и надежда разгорелась в нем еще более ярким пламенем. Он считал Леонсию уже почти своей. Ведь она сказала: «любила», значит, она уже больше не любит Генри. Она любила его, но теперь это все в прошлом. И, конечно, женщина с такой нежной и чуткой душой, как она, не может говорить с ним о любви, пока тот, другой, еще жив. Какая тонкость чувств! Торрес с гордостью подумал и о тонкости собственных чувств и даже поздравил себя в душе с тем, что сумел так правильно разгадать сокровенные мысли Леонсии. И уж он теперь позаботится, решил Торрес, чтобы этот человек, которому предстоит умереть на следующий день в десять утра, не был помилован и не сбежал из тюрьмы. Для него было ясно одно: чем скорее Генри Морган умрет, тем скорее он получит Леонсию.

– Не будем больше об этом говорить... пока, – сказал он с рыцарской галантностью, не менее галантно пожав руку Леонсии; потом встал с колен и долгим взглядом посмотрел на нее.

Она ответила ему благодарным рукопожатием и, высвободив свою руку из его руки, тоже поднялась.

– Пойдемте, – сказала она, – посмотрим, что делают остальные. Ведь они сейчас разрабатывают – или, вернее, пытаются разработать – план спасения Генри Моргана.

Когда они подошли к сидевшим на террасе, разговор тотчас прекратился, словно присутствие Торреса вызвало недоверие собеседников.

– Ну как, придумали что-нибудь? – спросила Леонсия.

Старик Энрико, который, несмотря на свой возраст, был такой же прямой, стройный и ловкий, как любой из его сыновей, только покачал головой.

– Я могу, если вы позволите, предложить вам один план, – начал было Торрес, но тут же умолк, поймав предостерегающий взгляд Алесандро.

На аллее, у самой веранды, появилось двое мальчишек-оборванцев. По росту им нельзя было дать более десяти лет, но по хитрому выражению глаз и лиц они казались куда старше. Одеты они были весьма необычно: поделили между собой рубашку и штаны, так что каждому досталось по одежке. Но какая рубашка! И какие штаны! Были они старые, парусиновые и в свое время принадлежали рослому мужчине; мальчишка натянул их на себя до подбородка и обвязал бечевкой вокруг шеи, чтобы они не могли с него соскользнуть, а руки продел в дыры, зиявшие на месте боковых карманов; внизу штаны были обрезаны ножом – по его росту. На другом мальчишке была мужская рубаха, подол которой волочился по земле.

– Пошли вон! – рявкнул на них Алесандро.

Но мальчишка в штанах с самым невозмутимым видом снял камень, который он нес на голове, и извлек из-под него письмо. Алесандро перегнулся через балюстраду, взял письмо и, взглянув на конверт, передал Леонсии, а мальчишки принялись клянчить деньги. Френсис, глядя на это забавное зрелище, невольно рассмеялся, бросил несколько серебряных монеток, и рубашка со штанами тотчас помчались прочь по аллее.

Письмо было от Генри, и Леонсия быстро пробежала его глазами. Письмо это нельзя было назвать прощальным, ибо писал он его как человек, который и не думает умирать, если, конечно, не произойдет чего-то непредвиденного. Однако, поскольку такая непредвиденность могла случиться, Генри считал своим долгом попрощаться с Леонсией; при этом он в шутку просил ее не забывать Френсиса, который заслуживает внимания хотя бы уже потому, что так похож на него. Генри.

Сначала Леонсия хотела было показать письмо всем остальным, но строки о Френсисе заставили ее отказаться от своего намерения.

– Это от Генри, – сказала она, пряча записку за корсаж. – Ничего существенного он не пишет. Но, видимо, ни на минуту не сомневается, что так или иначе ему удастся спастись.

– Мы уж постараемся, чтоб ему это удалось, – решительно заявил Френсис.

Благодарно улыбнувшись ему и с улыбкой же вопросительно взглянув на Торреса, Леонсия сказала:

– Вы говорили, что у вас есть какой-то план, сеньор Торрес?

Торрес ослабилась, подкрутил усы и принял важный вид.

– Существует только один способ – способ гринго, к которому обычно прибегают англосаксы, прямой и действенный. Именно прямой и действенный. Мы поедем и выкрадем Генри из тюрьмы – нагло, грубо и открыто, как это делают гринго. Уж этого-то они там никак не ожидают, а потому операция наверняка удастся. На побережье можно найти достаточно бандитов, по которым плачет веревка, и с их помощью атаковать тюрьму. Пообещайте им хорошо заплатить, только не все деньги давайте сразу, и дело будет сделано.

Леонсия восторженно закивала головой. У старика Энрико заблестели глаза, а ноздри раздулись, точно он уже почуял запах пороха. Глядя на него, молодежь тоже загорелась. Все взоры обратились к Френсису: что думает он об этом, согласен ли? Он медленно покачал головой, и возмущенная Леонсия даже выкрикнула что-то резкое по его адресу.

– Этот план безнадежен, – сказал Френсис. – Ну зачем всем нам рисковать головой, пускаясь на эту безумную авантюру, которая заранее обречена на провал? – Говоря это, он поднялся со своего места подле Леонсии и, подойдя к балюстраде, стал так, чтобы очутиться

между Торресом и остальными; улучив минуту, он бросил предостерегающий взгляд Энрико и его сыновьям. – Что же до Генри, то похоже, что его песенка спета...

– Иными словами, вы не доверяете мне? – рассердился Торрес.

– Помилуйте, что вы! – запротестовал Френсис.

Но Торрес, не обращая на него внимания, продолжал:

– Значит, по-вашему, я не должен участвовать в семейном совете Солано, моих старейших и наиболее уважаемых друзей? И этот запрет накладываете вы – человек, с которым я едва знаком?

Старый Энрико, заметив, как вспыхнуло гневом лицо Леонсии, поспешил предостеречь ее взглядом и, любезным жестом прервав тираду Торреса, сказал:

– У Солано не может быть такого семейного совета, на который вы не были бы допущены, сеньор Торрес. Ведь вы действительно давний друг нашей семьи. Ваш покойный отец и я были товарищами и дружили как братья. Но все это – уж вы простите старику, если он откровенно выскажет вам свое мнение, – не мешает сеньору Моргану быть правым, когда он говорит о безнадёжности вашего плана. Штурмовать тюрьму – чистейшее безумие. Поглядите на толщину ее стен. Они могут выдержать многонедельную осаду. Впрочем, должен признаться, ваша мысль вначале очень подкупила меня. Когда я был еще совсем молодым человеком и сражался с индейцами в Кордильерах, у нас был такой случай. Сядемте поудобнее, и я расскажу вам эту историю...

Но Торрес, которому предстояло немало дел, отклонил приглашение, дружески пожал всем руки, в нескольких словах извинился перед Френсисом и, сев на свою лошадь, седло и уздечка которой были отделаны серебром, поскакал в Сан-Антонио. Одним из таких важных дел была телеграфная переписка, которую он поддерживал с конторой Томаса Ригана на Уолл-стрите. Он имел тайный доступ на радиостанцию панамского правительства в Сан-Антонио и мог передавать депеши на телеграф в Вера-Крус. Союз с Риганом был не только выгоден ему, но и совпадал с его собственными планами в отношении Леонсии и Морганов.

– Что вы имеете против сеньора Торреса и почему вы отклонили его план и так рассердили его? – спросила Леонсия Френсиса.

– Ничего, – отвечал тот, – просто мы не нуждаемся в нем, и он не внушает мне особой приязни. Он дурак и потому способен погубить любой план. Вспомните, как он сел в калошу, давая показания по моему делу на суде. А может быть, ему и вообще доверять нельзя? Не знаю. Как бы то ни было, зачем доверять ему, раз он нам не нужен? Ну, а план его правильный. Мы так и поступим: отправимся прямо в тюрьму и выкрадем оттуда Генри, если все вы согласны. И нам вовсе не надо поручать это висельникам, по которым плачет веревка, и всяким оборванцам с побережья. Нас шестеро мужчин. Если мы своими силами не сумеем справиться с этим делом, значит, надо на нем ставить крест.

– Но у тюрьмы всегда околачивается с десяток часовых, – возразил брат Леонсии, восемнадцатилетний Рикардо.

Леонсия, снова было оживившаяся, с укоризной посмотрела на него; но Френсис поддержал юношу.

– Правильно сказано! – согласился он. – Мы устраним часовых.

– А стены толщиной в пять футов? – напомнил Мартинес Солано, один из близнецов.

– Мы пройдем сквозь них, – ответил Френсис.

– Но как? – воскликнула Леонсия.

– Вот к этому-то я сейчас и подхожу. Скажите, сеньор Солано, у вас много верховых лошадей? Отлично! А вы, Алесандро, случайно не могли бы достать несколько шашек динамита где-нибудь на плантации? Отлично! Великолепно! Ну, а вы, Леонсия, как хозяйка асьенды, должны, конечно, знать, есть ли у вас в кладовой достаточный запас виски «Три звездочки»?

– Ага, заговор начинает созревать, – рассмеялся он, получив от Леонсии утвердительный ответ. – Теперь у нас есть все атрибуты для приключенческого романа в духе Райдера Хаггарда или Рекса Бича. Так слушайте... А впрочем, подождите. Я сначала хочу поговорить с вами, Леонсия, о некоторых частностях этого представления...

Глава пятая

Было далеко за полдень; Генри стоял у зарешеченного окна своей камеры, смотрел на улицу и ждал, когда же, наконец, с лагуны Чирикви подует ветерок и хоть немного охладит раскаленный воздух. Улица была пыльная и грязная, – грязная потому, что со времени основания города, немало столетий назад, никто, кроме бродячих псов и отвратительных сарычей, которые даже и сейчас парили в небе и прыгали по отбросам, не очищал ее. Низкие, выбеленные известкой дома из камня или обожженной глины превращали эту улицу в настоящее пекло.

От белизны и пыли у Генри даже заломило глаза, и он уже собирался отойти от окошка, как вдруг заметил, что несколько оборванцев, дремавших в дверной амбразуре дома напротив, встрепенулись и с интересом стали смотреть куда-то вдоль улицы. Генри ничего не было видно, но до него доносился грохот несшейся вскачь повозки. Затем в поле его зрения показался небольшой ветхий фургон, который мчала закусившая удила лошадь. Седобородый и седовласый старец, сидевший на козлах, тщетно пытался сдержать ее.

Генри с улыбкой подивился тому, как еще не развалился ветхий фургон – так его подбрасывало на глубоких выбоинах, покосившиеся колеса еле держались на оси и вращались вразнобой. Но если фургон еще с грехом пополам держался, то как не разлетелась на куски ветхая упряжь, – это уж, по мнению Генри, было просто чудом. Поравнявшись с окном, у которого стоял Генри, старик сделал еще одну отчаянную попытку остановить лошадь; он приподнялся с козел и натянул вожжи. Одна вожжа оказалась гнилой и тут же лопнула. Возница повалился на сиденье, оставшаяся в его руках вожжа натянулась, и лошадь, повинувшись ей, круто повернула вправо. Что произошло затем – сломалось ли колесо, или сначала отскочило, а уж потом сломалось, – Генри не мог разобрать. Одно было несомненно: фургон разлетелся на части. Старик упал и, протациввшись по пыльной мостовой, но упрямо не выпуская из рук оставшуюся вожжу, заставил лошадь описать круг, и она, фыркая, стала мордой к нему.

Когда он поднялся на ноги, вокруг уже собралась толпа. Но любопытных быстро раскидали вправо и влево выскочившие из тюрьмы жандармы. Генри продолжал стоять у окна и с интересом, поистине удивительным для человека, которому осталось жить всего несколько часов, смотрел на разыгравшуюся перед ним сценку и прислушивался к долетавшим до него репликам.

Старик дал жандармам подержать лошадь и, даже не стряхнув грязь и пыль с одежды, поспешно заковылял к фургону и принялся осматривать груз, состоявший из нескольких ящиков – большого и маленьких. Особенно заботился он о большом, даже попробовал приподнять его и, приподнимая, словно прислушивался.

Тут один из жандармов окликнул его; старик выпрямился и стал отвечать охотно и многословно:

– Вы спрашиваете, кто я? Я старый человек, сеньоры, и живу далеко отсюда. Меня зовут Леопольде Нарваэс. Мать моя была немкой – да хранят все святые ее покой! – зато отца звали Балтазар де Хесус-и-Сервальос-и-Нарваэс, а его отец был доблестный генерал Нарваэс, сражавшийся под началом самого великого Боливар⁹. А я – я теперь совсем пропал и даже домой не сумею добраться.

Подстрекаемый вопросами, перемежавшимися с вежливыми выражениями сочувствия, в которых не бывает недостатка даже у самых жалких оборванцев, он несколько приободрился и с благодарностью продолжал свой рассказ:

⁹ Боливар – один из вождей национально-освободительного движения в Америке.

– Я приехал из Бокас-дель-Торо. Дорога заняла у меня пять дней, и пока я ничего не продал. Живу я в Колоне, и лучше было мне не выезжать оттуда. Но ведь даже и благородный Нарваэс может стать странствующим торговцем, а торговец тоже должен жить. Разве не так, сеньоры? Теперь скажите, не знаете ли вы такого Томаса Ромеро, который живет в вашем прекрасном Сан-Антонио?

– В любом городе Панама сколько угодно Томасов Ромеро, – расхохотался Педро Зурита, помощник начальника тюрьмы. – Придется вам описать его поподробнее.

– Он двоюродный брат моей второй жены, – с надеждой в голосе произнес старец и, казалось, очень удивился, услышав взрыв хохота.

– Да ведь не меньше десятка всяких Томасов Ромеро живет в Сан-Антонио и его окрестностях, – возразил ему помощник начальника тюрьмы, – и любой из них может быть двоюродным братом вашей второй жены, сеньор. У нас тут есть Томас Ромеро пьяница. Есть Томас Ромеро вор. Есть Томас Ромеро... впрочем, нет, этот был повешен с месяц назад за убийство с ограблением. Есть Томас Ромеро богач, у которого большие стада в горах. Есть...

При каждом новом имени Леопольде Нарваэс лишь сокрушенно мотал головой, но при упоминании скотовода лицо его засветилось надеждой, и он прервал говорившего:

– Извините меня, сеньор, это, по-видимому, он и есть! Во всяком случае, он должен быть кем-то в этом роде. Я разыщу его. Если бы можно было где-нибудь оставить на хранение мой драгоценный товар, я бы тут же отправился его искать. Хорошо еще, что эта беда приключилась со мной именно здесь. Я могу доверить свой груз вам – достаточно одного взгляда, чтобы понять, что вы честный и почтенный человек. – Говоря это, старик порылся в кармане, извлек оттуда два серебряных песо и протянул тюремщику. – Вот вам. Надеюсь, вы и ваши люди не пожалеете, что оказали мне помощь.

Генри усмехнулся, заметив, с каким повышенным интересом и уважением стали относиться к старику Педро Зурита и жандармы после появления монет. Оттеснив от сломанного фургона любопытных, они тотчас принялись перетаскивать ящики в помещение тюрьмы.

– Осторожнее, сеньоры, осторожнее, – умолял их старик, пришедший в неопишное волнение, когда они взялись за большой ящик. – Несите его тихонько. Это очень ценный товар и уж больно хрупкий.

Пока содержимое фургона переносили в тюрьму, старик снял с лошади всю сбрую, кроме уздечки, и положил ее в фургон.

Но Педро Зурита, бросив красноречивый взгляд на столпившихся вокруг оборванцев, приказал внести и сбрую в тюрьму.

– Стоит нам отвернуться, как мигом все исчезнет – вплоть до последнего ремешка и пряжки, – пояснил он.

Взобравшись на обломки фургона, старик с помощью Педро Зуриты и стражи кое-как взгромоздился затем на лошадь.

– Вот и отлично, – сказал он и с благодарностью добавил: – Тысячу раз спасибо, сеньоры. Как мне повезло, что я встретил таких честных людей, у которых мой товар будет в целости и сохранности. Правда, товар-то никудашный, – сами знаете, какой у странствующего торговца может быть товар, но для меня каждая малость имеет значение. Очень было приятно с вами познакомиться. Завтра я вернусь со своим родственником, которого я, конечно, найду, и избавлю вас от труда хранить мое жалкое достояние. – Тут он снял шляпу. – Adios, сеньоры, adios!

И он не спеша двинулся в путь, с некоторой недоверчивостью косясь на свою лошадь – виновницу всей катастрофы. Но Педро Зурита окликнул его. Старик натянул поводья и повернул голову.

– Поищите на кладбище, сеньор Нарваэс, – посоветовал помощник начальника тюрьмы. – Там найдете целую сотню Томасов Ромеро.

– А вы, сеньор, очень вас прошу, особенно берегите большой ящик, – крикнул в ответ торговец.

На глазах у Генри улица опустела; жандармы поспешили разойтись и собравшаяся толпа тоже – уж очень сильно пекло солнце. Ничего нет удивительного, подумал Генри, что в интонациях старого торговца ему послышалось что-то знакомое. Ведь он только наполовину испанец, следовательно, и язык у него наполовину испанский, а наполовину немецкий, поскольку мать его была немка. Говорит он все-таки как местный житель. «Ну и обворуют его как местного жителя, если в этом тяжелом ящике, который он оставил на хранение в тюрьме, есть что-то ценное!» – заключил про себя Генри и перестал думать о происшедшем.

А в караульне, в каких-нибудь пятидесяти футах от камеры Генри, тем временем грабили Леопольде Нарваэса. Начало положил Педро Зурита, внимательно и всесторонне осмотревший большой ящик. Он приподнял ящик за один конец, чтобы составить себе представление о его весе, и, найдя щель, стал принюхиваться, точно собака, в надежде по запаху определить, что находится внутри.

– Оставь ты в покое ящик, Педро, – со смехом сказал ему один из жандармов. – Тебе же заплатили два песо за то, чтобы ты был честен.

Помощник начальника тюрьмы вздохнул, отошел на несколько шагов, присел, снова посмотрел на ящик и опять вздохнул. Разговор не клеился. Жандармы то и дело поглядывали на ящик. Даже засаленная колода карт не могла отвлечь их внимание. Игра не клеилась. Жандарм, который подшучивал над Педро, сам теперь подошел к ящику и понюхал:

– Ничего не чувствую, – объявил он. – От этого ящика ничем не пахнет. Что бы это такое могло быть? Кабальеро сказал, что в нем ценный товар!

– Кабальеро! – фыркнул другой жандарм. – Папаша этого старика скорее всего торговал жареной рыбой на улицах Колона, и дед его небось тоже. Все эти вруны-нищие утверждают, будто они прямые потомки конкистадоров.

– А почему бы и нет, Рафаэль? – парировал Педро Зурита. – Разве все мы не их потомки?

– Само собой, – поспешил согласиться Рафаэль. – Конкистадоры перебили немало народу.

– И стали предками тех, кто выжил, – докончил за него Педро. Все расхохотались. – А знаете, я, пожалуй, готов отдать одно из этих двух песо, только бы узнать, что в ящике.

– А вот и Игнасио! – воскликнул Рафаэль, приветствуя вошедшего тюремщика, опухшие глаза которого были явным доказательством того, что он только-только встал после сиесты¹⁰. – Ему ведь не платили за то, чтобы он был честным. Иди сюда, Игнасио, удовлетвори наше любопытство и скажи нам, что в этом ящике.

– А я почему знаю? – ответил Игнасио, хлопая глазами и глядя на предмет всеобщего внимания. – Я только сейчас проснулся.

– Значит, тебе не платили за то, чтобы ты был честным? – спросил Рафаэль.

– Всемиловитая мать божья, да кто же мне станет платить за честность! – воскликнул тюремщик.

– В таком случае возьми вон там топор и вскрой ящик, – довел свою мысль до конца Рафаэль. – Мы этого сделать не можем: ведь Педро должен поделиться с нами своими двумя песо, значит, нам тоже заплатили за честность. Вскрывай ящик, Игнасио, а не то все мы помрем от любопытства.

– Мы только посмотрим, только посмотрим, – в волнении пробормотал Педро, когда Игнасио поддел одну из досок острием топора. – Потом мы снова закроем ящик и... Да просунь же туда руку, Игнасио! Ну, что там такое, а?.. На что похоже?

¹⁰ Сиеста – послеполуденный отдых в часы наибольшей жары.

Игнасио долго дергал и вытягивал что-то; наконец, показалась его рука, в которой был зажат картонный футляр.

– Ага! Доставай аккуратно: ведь придется обратно класть, – предупредил его Педро.

Когда футляр и бесчисленные обертки были сняты, жандармы увидели большую бутылку с рисовой водкой.

– Вот так упаковка! – в изумлении пробормотал Педро. – Должно быть, очень хорошее виски, раз его хранят с такими предосторожностями.

– Американское! – вздохнул другой жандарм. – Только один раз в Сантосе мне довелось попробовать американского виски. Замечательная штука! Такая у меня сразу появилась от него храбрость, что я выскочил прямо на арену во время боя быков и с голыми руками бросился на разъяренного быка. Правда, бык меня сшиб, но на арену-то я все-таки прыгнул!

Педро взял бутылку и хотел было отбить горлышко.

– Стой! – воскликнул Рафаэль. – Тебе же заплатили за то, чтоб ты был честным.

– Заплатить-то заплатили, да разве тот, кто дал мне деньги, сам честный? – возразил Педро. – Это же контрабанда. Старик наверняка не платил таможенной пошлины. У него контрабандный товар. Поэтому давайте возблагодарим судьбу и с чистой совестью вступим во владение им. Мы его конфискуем и уничтожим.

Не дожидаясь, пока бутылка обойдет круг, Игнасио и Рафаэль достали еще несколько бутылок и отбили горлышки.

– «Три звездочки», самое лучшее виски! – в наступившем молчании провозгласил Педро Зурита, показывая на торговую марку. – Понимаете, у гринго не бывает плохого виски... Одна звездочка означает, что это виски очень хорошее; две звездочки – отличное; а три звездочки – великолепное, замечательное, лучше быть не может. Уж я-то знаю. Гринго – мастаки по части крепких напитков. Наша пулька их не устроит.

– А четыре звездочки? – спросил Игнасио; голос его звучал хрипло от водки, глаза маслянисто блестели.

– Четыре звездочки? Друг Игнасио, четыре звездочки – это либо мгновенная смерть, либо вечное блаженство.

Не прошло и нескольких минут, как Рафаэль, обняв другого жандарма, уже называл его «братец» и утверждал, что человеку очень мало нужно здесь, на этой земле, для полного счастья.

– Старик – дурак, трижды дурак и еще трижды три раза дурак, – отважился вставить Аугустино, жандарм с мрачной физиономией, который впервые за все это время раскрыл рот.

– Да здравствует Аугустино! – воскликнул Рафаэль. – Смотрите, какое чудо сделали три звездочки! Сняли замок со рта Аугустино!

– И еще раз трижды три раза дурак ваш старик! – орал пьяным голосом Аугустино. – Этот божественный напиток был при нем, в полном его распоряжении, он целых пять дней ехал из Бокас-дель-Торо и ни разу не приложился! Да таких дураков надо голышом сажать на муравейник, вот что я вам скажу!

– Старик – жулик, – прокудахтал Педро. – Когда он завтра утром явится сюда за своими «тремя звездочками», я арестую его как контрабандиста. Это всем нам будет зачтено в заслугу.

– Если мы уничтожим доказательства – вот так? – спросил Аугустино, отбивая горлышко еще у одной бутылки.

– Мы оставим доказательства – вот так! – возразил ему Педро, хватив пустой бутылкой о каменный пол. – Слушайте, друзья, давайте договоримся. Ящик был очень тяжелый. Его уронили. Бутылки разбились. Виски вытекло – и таким образом мы узнали о контрабанде. Ящик и разбитые бутылки будут достаточным доказательством.

По мере того как запас спиртного уменьшался, шум все возрастал. Один жандарм затеял ссору с Игнасио по поводу забытого долга в десять сентаво. Двое других, усевшись в обнимку на полу, горячими слезами оплакивали свою несчастную семейную жизнь. Аугустино витиевато и многословно излагал собственные философские воззрения, в основе которых лежала мысль, что молчание – золото. А Педро Зурита, расчувствовавшись, доказывал, что все люди – братья.

– Даже арестантов я люблю, как братьев, – еле ворочая языком, говорил он. – Жизнь – грустная штука. – Слезы брызнули у него из глаз; он умолк и глотнул еще виски. – Арестанты для меня – все равно что родные дети. У меня сердце кровью исходит за них. Смотрите! Я плачу. Давайте поделимся с ними. Пусть и они познают хоть минуту счастья. Игнасио, возлюбленный брат мой, сделай мне одолжение – видишь, я рыдаю на твоём плече. Отнеси бутылочку этого эликсира гринго Моргану. Скажи ему, что я очень горюю: мне так грустно, что он завтра будет повешен. Передай ему мой привет и попроси выпить: пусть он будет счастлив сегодня.

Игнасио отправился выполнять поручение, а жандарм, который однажды спрыгнул на арену во время боя быков в Сантосе, заревел:

– Быка мне сюда! Быка!

– Ему хочется, этому славному малому, обнять быка и сказать, как он его любит, – пояснил Педро Зурита, проливая потоки слез. – Я тоже люблю быков. Я люблю всех божьих тварей. Я люблю даже mosquitos. Мир прекрасен. В нем царит любовь. Мне бы хотелось иметь льва, чтоб я мог играть с ним...

Мотив старой пиратской песни, которую кто-то громко насвистывал на улице, привлек внимание Генри, он бросился было к окну, но, услышав скрежет ключа в дверном замке, поспешно лег на пол и притворился спящим. В камеру, пошатываясь, ввалился пьяный Игнасио и торжественно протянул Генри бутылку.

– С наилучшими пожеланиями от нашего добрейшего начальника Педро Зуриты, – пробормотал жандарм. – Он сказал, чтоб ты напился и забыл, что завтра ему придется вздернуть тебя.

– Мои наилучшие пожелания сеньору Педро Зурите, и скажи ему от моего имени, чтоб он убирался к черту вместе со своим виски, – ответил Генри.

Тюремщик выпрямился и даже перестал пошатываться, точно сразу протрезвел.

– Очень хорошо, сеньор, – сказал он, вышел из камеры и запер за собой дверь.

Генри стремглав кинулся к окну и очутился лицом к лицу с Френсисом, который тотчас просунул ему сквозь решетку револьвер.

– Привет, дружище, – сказал Френсис. – Мы тебя мигом отсюда вызволим. – В руках он держал две шашки динамита с взрывателями и капсюлями. – Смотри, что я принес, – это лучше всякого лома. Беги в самый дальний угол – pronto! – в этой стенке скоро будет такая дыра, что через нее даже наша «Анджелика» сможет пройти. Кстати, «Анджелика» стоит тут рядом, у берега, и ждет тебя. А ну отойди. Я сейчас заложу шашку. Шнур совсем короткий.

Не успел Генри отбежать в дальний угол камеры, как заскрежетал ключ, которым чья-то неверная рука тыкала в скважину, дверь распахнулась, и в камеру ворвался гул голосов. Генри услышал беспорядочные выкрики и отчетливо различил неизменный боевой клич латиноамериканцев: «Бей гринго!»

Генри слышал также, как Рафаэль и Педро, входя в камеру, что-то бормотали. «Он не признает всеобщего братства», – возмущался один, а другой: «Он сказал, чтоб я убирался к черту? Правда, он так сказал, Игнасио?»

В руках у жандармов были ружья; позади них толпились пьяные солдаты, вооруженные чем попало – кто тесаком, кто старинным пистолетом, кто топориком, а кто – просто

бутылкой. При виде револьвера в руках Генри они остановились, и Педро, нетвердой рукой ощупывая свое ружье, провозгласил:

– Сеньор Морган, вы сейчас по всем правилам будете отправлены в ад.

Но Игнасио не стал ждать. Прижав винтовку к бедру для устойчивости, он выстрелил наугад и промахнулся: пуля ударила в стенку как раз посреди камеры, тогда как сам он в ту же секунду упал от пули Генри. Остальные поспешно отступили в коридор и, укрывшись там, принялись обстреливать камеру.

«Слава богу, что стены такие толстые, только бы пуля не ударила рикошетом», – думал Генри, продолжая стоять в углу за выступом стены в ожидании взрыва.

И дождался: в той стене, где было окно, теперь зияла огромная дыра. Но в эту минуту отлетевший обломок ударил Генри по голове, все поплыло у него перед глазами, и он тяжело рухнул на пол. Когда же пыль, поднятая взрывом, и пороховой дым рассеялись, Генри смутно различил Френсиса, который, казалось, прямо вплыл к нему в камеру. Френсис схватил его на руки и сквозь пробоину в стене вынес на улицу. Тут Генри сразу почувствовал себя лучше. Он увидел Энрико Солано и его младшего сына Рикардо, которые ружьями сдерживали толпу, запрудившую верхнюю часть улицы, тогда как два брата-близнеца, Альварадо и Мартинес, сдерживали толпу в нижней части улицы.

Но жители сбежались сюда просто из любопытства, никто из них и не собирался рисковать жизнью и преграждать путь таким могущественным людям, которые взрывают стены и штурмуют тюрьмы среди бела дня. А потому толпа почтительно расступилась перед небольшой группой, когда та направилась вниз по улице.

– Лошади ждут нас в соседнем переулке, – сказал Френсис, на ходу отвечая на рукопожатие Генри. – И Леонсия там же. За четверть часа мы доскачем до берега, где нас ожидает шхуна.

– Послушай-ка, а ведь недурной я выучил тебя песенке, – с улыбкой заметил Генри. – Когда ты начал ее насвистывать, мне показалось, что ничего прекраснее быть не может. Эти собаки так торопились, что не могли дождаться завтрашнего утра. Они нализались виски и решили тут же меня прикончить. Занятная история получилась с этим виски. Какой-то бывший кабальеро, ставший торговцем, ехал мимо тюрьмы с фургоном, груженным этим зельем, и у самых ворот фургон рассыпался...

– Ведь даже благородный Нарваэс, сын Балтазара де Хесус-и-Сервальос-и-Нарваэса, сына генерала Нарваэса, оставившего по себе память своею бранной славой, может стать торговцем, а торговец тоже должен жить, не так ли, сеньоры? – проговорил Френсис, точь-в-точь как давешний старик.

Генри весело посмотрел на него и с признательностью сказал:

– Знаешь, Френсис, я очень рад одному обстоятельству, чертовски рад...

– Чему же это? – спросил Френсис, когда они заворачивали за угол, где их ждали лошади.

– Тому, что не отрезал тебе уши в тот день на Тельце, когда я положил тебя на обе лопатки и ты настаивал, чтобы я это сделал.

Глава шестая

Мариано Веркара-и-Ихос, начальник полиции Сан-Антонио, откинулся на спинку кресла в зале суда и, довольный собой, со спокойной улыбкой принялся скручивать сигарету. Все прошло так, как было задумано. Он весь день следил за тем, чтобы старикашка судья не выпил глотка мескаля, и теперь был вознагражден за это: судья провел процесс и вынес приговор, какого добивался шеф. Он не допустил ни одного промаха. Шесть беглых пеонов были оштрафованы на крупную сумму и отправлены назад на плантацию в Сантосе. Кабальный их контракт суд продлил на столько времени, сколько потребуется, чтобы отработать штраф. А начальник полиции благодаря этому стал богаче на двести золотых американских долларов. «Эти гринго из Сантоса, – улыбнулся он про себя, – люди, с которыми стоит иметь дело. Во-первых, они создают плантации и тем самым способствуют развитию страны. А во-вторых, – и это главное, – денег у них куры не клюют, и они хорошо платят за те мелкие услуги, которые я в состоянии им оказать».

Тут он увидел Альвареса Торреса и широко улыбнулся.

– Послушайте, – сказал испанец, пригибаясь к самому уху начальника полиции. – Мы можем прикончить обоих этих чертей Морганов. Свинью Генри завтра повесят. Почему бы в таком случае нам не отправить сегодня к праотцам и свинью Френсиса?

Начальник полиции вопросительно поднял брови.

– Я посоветовал этому гринго штурмовать тюрьму. Солано поверили его вракам и теперь заодно с ним. Они наверняка попытаются сегодня вечером совершить налет. Раньше им не успеть. Ваше дело приготовиться и проследить, чтобы Френсис Морган был непременно убит в стычке.

– Ради чего и почему? – неторопливо спросил начальник полиции. – Мне нужно Генри убрать с дороги. Что же до Френсиса, то пусть возвращается к себе в свой любимый Нью-Йорк.

– Он должен быть сегодня же отправлен к праотцам, а почему – вы сейчас поймете. Как вам известно из телеграмм, которые я посылаю через правительственную радиостанцию и которые вы читаете...

– Позвольте, такова была наша договоренность, и на этих условиях я выхлопотал вам разрешение пользоваться правительственной радиостанцией, – напомнил начальник полиции.

– Я на это и не жалуясь, – заверил его Торрес. – Итак, вам известно, что у меня есть строго конфиденциальные и чрезвычайно важные дела с нью-йоркским Риганом. – Он приложил руку к нагрудному карману. – Я только что получил от него новую телеграмму. Он требует задержать свинью Френсиса здесь еще на месяц, а если этот молодой человек и вовсе не вернется в Нью-Йорк, то, насколько я понял сеньора Ригана, плакать никто не станет. Так вот, если мне это удастся, то и вам неплохо будет.

– Но вы еще не сказали мне, сколько вы за это получили и сколько получите, – решил прощупать почву начальник полиции.

– На этот счет у нас была договоренность частного характера, и сумма не так велика, как вам может показаться. Он скупердяй, этот сеньор Риган, страшный скупердяй. Тем не менее я по-честному поделюсь с вами, если наша затея увенчается успехом.

Начальник полиции удовлетворенно кивнул и спросил:

– Ну, уж тыщонку-то золотом вы получите?

– Думаю, что да. Не может же этот ирландский боров заплатить мне меньше; а тогда пятьсот долларов – ваши, если, конечно, свинья Френсис сложит голову в Сан-Антонио.

– А может, и сто тысяч золотом получите? – продолжал допрашивать начальник полиции.

Торрес рассмеялся, словно услышал занятную шутку.

– Ну, уж, во всяком случае, не тысячу, – не унимался его собеседник.

– Может, расщедрится и даст больше, – подтвердил Торрес. – Вполне возможно, что прибавит еще сотен пять; в таком случае, разумеется, половина этих денег тоже будет ваша.

– Я немедленно направляюсь в тюрьму, – заявил начальник полиции. – Можете положиться на меня, сеньор Торрес, как я полагаюсь на вас. Пойдемте сейчас же, не откладывая, и пойдемте вместе, чтобы вы сами могли убедиться, как я подготовлюсь к приему Френсиса Моргана. Я еще не разучился владеть ружьем. А кроме того, я скажу трем жандармам, чтоб они стреляли только в него. Так, значит, этот собака-гринго собирается штурмовать нашу тюрьму? Пошли. Пошли скорей.

Он встал и решительным жестом отбросил в сторону сигарету. Но не успел он дойти и до середины комнаты, как к нему подлетел какой-то оборванный мальчишка, с которого градом струился пот, дернул его за рукав и, еле переводя дух, плаксивым голосом пропищал:

– У меня для вас важная новость. Вы мне заплатите за нее, высокочтимый сеньор? Я бежал всю дорогу.

– Я отправлю тебя в Сан-Хуан, чтобы тебя склевали сарычи, падаль ты этакая! – был ответ.

Мальчишка даже съежился от такой угрозы, но, подстегиваемый пустотой в желудке, страшной бедностью и желанием иметь несколько монет, чтобы заплатить за вход на предстоящий бой быков, призвал на помощь всю свою храбрость и повторил:

– Не забудьте, сеньор, что я первый принес вам эту новость. Я бежал всю дорогу, чуть не задохся, – вы же сами видите, сеньор. Я все скажу вам, только вы, пожалуйста, не забудьте, что я бежал всю дорогу и что я первый сказал вам.

– Ах ты скотина! Ладно, не забуду. Но тебе же будет хуже, если я запомню, что это ты первый мне сказал. Так что же у тебя за новость? Должно быть, она и сентаво не стоит! А если она действительно этого не стоит, вот тогда ты пожалеешь, что родился на свет божий. Сан-Хуан покажется тебе раем по сравнению с тем, что я с тобой сделаю.

– Тюрьма... – в страхе пролепетал мальчишка. – Гринго – тот самый, которого должны были вчера повесить, – взорвал стену тюрьмы. Святые угодники! Дыра такая большая, как колокольня на нашем соборе! И другой гринго – тот, который так похож на него и которого должны были повесить завтра, – бежал вместе с ним через эту дыру. Тот гринго вытащил его. Это я сам видел, собственными глазами, и сейчас же побежал к вам сюда, всю дорогу бежал, и вы не забудете, сеньор...

Но начальник полиции уже повернулся к Торресу и уничтожающим взглядом посмотрел на него.

– Так, по-вашему, этот сеньор Риган проявит королевскую щедрость, если заплатит нам с вами ту великую сумму, которую обещал? Да он должен дать нам в пять раз больше, в десять раз больше – ведь этот тигр-гринго крушит наши законы и порядки, и даже крепкие стены нашей тюрьмы...

– Ну, это, разумеется, только ложная тревога, перышко, которое показывает, в какую сторону дует ветер и каковы намерения Френсиса Моргана, – пробормотал Торрес с кислой улыбкой. – Не забудьте, что совет штурмовать тюрьму исходил от меня.

– В таком случае, значит, это вы и сеньор Риган оплатите нам расходы по восстановлению тюрьмы? – спросил начальник полиции и, помолчав немного, добавил: – Но я все-таки не верю, что он это сделал. Это невозможно. Даже полоумный гринго не решился бы на такое.

Тут в дверях появился жандарм Рафаэль, из раны на лбу у него текла кровь; расталкивая ружьем любопытных, которые уже начали собираться вокруг Торреса и начальника полиции, он предстал перед своим шефом.

– Мы перебиты, – начал он. – Тюрьма почти вся разрушена. Динамит! Сто фунтов динамита! Тысяча! Мы храбро кинулись спасать тюрьму. Но она взлетела на воздух. Ведь не шутка – тысяча фунтов динамита! Я упал без сознания, но не выпустил винтовки из рук. После я пришел в себя и осмотрелся. Вокруг меня были одни мертвецы! Храбрый Педро, храбрый Игнасио, храбрый Аугустино – все, все лежали мертвые! – Рафаэлю следовало бы сказать: «мертвецки пьяные», но натура у него, как у всякого латиноамериканца, была сложная, и потому он в трагических чертах обрисовал эту катастрофу, так что он и все другие жандармы выглядели героями, как это искренне представилось его воображению. – Они лежали мертвые. Но, может, и не мертвые, а только оглушенные. Я пополз. Пробрался в камеру этого гринго Моргана. Пусто. В стене зияет огромная, страшная дыра. Я выполз через нее на улицу. Вижу: стоит большая толпа. Но гринго Моргана уже и след простыл. Я поговорил с одним оборванцем, который видел, как это произошло. Их ждали лошади. Они поскакали к берегу. Там уже стояла под парусами шхуна. У Френсиса Моргана к седлу был привязан мешок с золотом: оборванец видел его своими глазами. Большой такой мешок...

– А дыра большая? – спросил начальник полиции. – Дыра в стене?

– Да побольше мешка будет, куда больше, – отвечал Рафаэль. – Хотя мешок у гринго большой – так мне этот оборванец сказал. И мешок был привязан у Моргана к седлу.

– Моя тюрьма! – воскликнул начальник полиции; он выхватил кинжал и поднял вверх, держа за лезвие так, что рукоятка его, на которой с большим искусством был вырезан распятый Христос, казалась настоящим крестом. – Клянусь всеми святыми, я буду мстить! О, наша тюрьма! Наше правосудие! Наш закон!.. Лошадей! Скорее лошадей! Жандарм, лошадей, живо! – Он быстро обернулся к Торресу и накинулся на него, хотя тот не произнес ни слова: – К черту сеньора Ригана! Мне хоть бы уж свое-то вернуть! Меня оскорбили! Разрушили мою тюрьму! Надругались над моим законом – нашим законом, дорогие друзья! Лошадей! Лошадей! Отобрать их у проезжих! Да скорее же! Скорей!

Капитан Трефэзен, владелец «Анджелики», сын индианки из племени майя и негра с Ямайки, шагал взад и вперед по узкой палубе своей шхуны, посматривая в сторону Сан-Антонио, откуда уже отчалила переполненная людьми шлюпка, и раздумывал: не удрать ли ему от этого сумасшедшего американца, зафрахтовавшего его судно? Или, может быть, разорвать контракт и составить новый – на сумму в три раза большую? Трефэзена терзали противоречивые веления его смешанной крови: как негр, он был склонен к осторожности и соблюдению панамских законов, а как индеец – стремился к беззаконию и конфликтам.

Верх одержала индейская кровь: капитан приказал поднять кливер и направил шхуну к берегу, чтобы поскорее подобрать приближавшуюся шлюпку. Разглядев, что все Солано и Морганы вооружены ружьями, он чуть было не пустился наутек и не бросил их на произвол судьбы. Но когда он увидел на корме женщину, склонность к романтике и алчность побудили его дожидаться и взять шлюпку на борт, ибо он знал, что если женщина замешана в делах мужчин, то вместе с ней появляются опасность и деньги.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.